

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

Материалы по османской диалектологии. Фонетика „карамалицкого“ языка.

Введение.

I.

Основным заданием современной туркологии в лингвистической ее части является, как известно, подготовка материалов к сравнительной грамматике турецких языков, поскольку еще нет возможности непосредственно приступить к осуществлению этой кардинальной цели турецкого языкознания. Отсутствие синтетических данных, своего рода Grundriss der türkischen Philologie, объясняется здесь не только тем, что туркология — наука очень молодая, которая далеко не закончила процесс собирания всех нужных материалов и не пришла еще к твердо установленным методам их разработки. Туркология, концентрирующая в себе самые разнообразные факты турецкой культуры из области лингвистики, филологии, фольклора, литературы, этнографии, музыки и театра, — наука, ведению которой подлежат все, начиная от фонетических чередований и кончая днями недели, собачьими кличками и музыкальными инструментами, — естественно не знает дифференциации своего объекта на отдельные зоны, обследование которых производилось бы по особым методам, для них необходимым. Качественно неоднородный состав добытого материала, разнообразный по своим приемам контингент туркологов при всем их незначительном количественном составе, необозримая площадь исследовательского поля, где на ряду со знакомыми участками встречаются доселе неведомые — все это напоминает непомерно растянутый фронт, на котором действуют разрозненные группы партизан, с трудом поддающиеся планомерному руководству. Турколог ex officio, как своего рода врач по всем болезням, должен выступать экспертом по всем областям необозримого «степного поля» и, откликаясь на злобу дня, предпочитать тактические задания стратегическим или, другими словами, стремиться к актуальному в ущерб научной планомерности. Диффе-

ренциация туркологических дисциплин, необходимость которой уже со-
знается, по техническим причинам замедляется: партизаны предпочитают
держаться друг друга, чем резко порывать взаимную связь, рассыпавшись
по отдельным участкам. Эта территориальная дифференциация в турколо-
гии проводится более или менее определенно только на том большом ее
участке, где сосредоточена османистика, но методологической дифферен-
циации полностью не проведено и здесь: «османистика» — понятие, более
широкое, чем только «османская филология» или «османское языкознание»;
сюда входит литература, этнография и т. д. Всё же отдельные представи-
тели ее обследуют более определенные методологические зоны, чем деятели
так называемой общей туркологии. Такая отграниченность османистики от
остальной туркологии слишком очевидна; она создавалась по ходу истории
науки, и здесь османистике уподобляются разве только *orçhonica* и *ıjgurica*,
заявившие строго определенные участки, но уже в силу концентрации ма-
териала, а не в силу процесса изучения. Османские штудии, значительно
более старые, чем сама туркология, велись однако весьма экстенсивно и
вызывались чаще практическими побуждениями, чем научными; прогресс
общего языковедения мало отражался на османском, и потому строго науч-
ная разработка османского языка еще только начинается (работы Deny,
Bergsträsser'a). Возникнув в то время, когда никакой туркологии, как
таковой, не существовало, османистика (наука, по преимуществу, западно-
европейская) тесно примыкает по объекту изучения к обще-турецкой сти-
хии, которую избрала своим предметом общая туркология, наука молодая
и, по преимуществу, русская. В настоящее время не может быть и речи
о разрыве между этими двумя дисциплинами, из коих ни одна не покрывает
другую, но обе взаимно дополняют друг друга. Но спайка между ними
должна быть еще сильнее: вековые традиции изучения Турции оставляли
вне поля зрения языки Крыма, Туркмении и Азербайджана, которые по
существу являются предметом османистики, как ведающей южной группой
турецких языков. И именно — в языке, а не в другой области, предметы
османистики и туркологии сходятся максимально: турецкие языки чрезвы-
чайно косны и мало изменяемы, и османский язык, не считая его лексиче-
ской пестроты, гораздо ближе к языку более примитивных турок, чем был
полуевропеизированного стамбульца к быту обитателей Алтая. Отделить
старо-турецкую основу османского языка от исторических языковых на-
слоений под влиянием ислама, с одной стороны, и европеизации, с другой —
задача одинаково интересная и для османиста, и для турколога вообще.
В системе сравнительной грамматики турецких языков данные османского
языка, естественно, должны занять не последнее место, так как это нал-

более дифференцированный турецкий язык с богатой диалектологией, с резко выраженными стилистическими и социологическими категориями (литературная речь, вульгарно-османский и переходные типы между этими полюсами), с богатейшей фразеологией и развитым до виртуозности синтаксисом, — наконец, язык с наиболее мощной литературной традицией в ряду живых турецких языков. Международное значение османского языка, его взаимодействие с целым рядом индо-европейских, «кавказских» и др. языков — если и не входит в прямые задачи собственно турколога — все же представляет важную и поучительную картину для лингвиста и филолога. В наше время, как и прежде, османский язык представляет собою предел турецкого языкового развития, и в нем, как в своего рода «микроскопе туркологии», спорадически отражаются все те языковые черты, которые типичны для других турецких языковых групп, вплоть до енисейско-орхонской традиции. Какие же пути ведут к тому, чтобы готовить надежный материал по исторической грамматике османского языка,¹ — материал, который затем должен поступить в распоряжение сравнительной грамматики турецких языков вообще? С одной стороны — громадная литературная и рукописная традиция, пользовавшаяся арабским шрифтом и обслуживавшая язык грамотной Турции, оставляя в стороне интересы вульгарной речи и диалектов. Материал этот еще не собран и не систематизирован. Но даже в своей минимальной, обработанной части он не дает прочной базы для исторической грамматики османского языка. Если для морфологии и синтаксиса литературного языка письменная традиция вполне достаточна, то нельзя сказать того же о фонетике. Схематический арабский шрифт с бессистемно отображавшимся на письме вокализмом явился, можно сказать, историческим могильщиком османской фонетики. Ее нюансы были завуалированы общемусульманским письмом так же, как — и в остальной жизни, османский быт был нивелирован культурой ислама. К тому же консервативность орфографии сбивала историческую перспективу в картине эволюции языка: начертания 1) طاع, 2) آلور, 3) آلب, 4) آغاج, 5) بوغاز и др. сохранялись и сохраняются много времени спустя после того, как произошло изменение в артикуляции тех звуков, письменные знаки которых [1) ط, 2) و, 3) غ] приведены выше. Встретив в рукописи какое-либо османско-арабское начертание, никак нельзя поручиться за его фонетику, если нет каких-либо посторонних решающих обстоятельств. Пример австрийской османистической школы, усердно изучающей рукописный ма-

¹ Более или менее надежную дескриптивную грамматику османский язык получил с выходом работы J. Делу, этой, по выражению F. Giese, настольной книги османиста.

териал и все еще далекой от работ по исторической фонетике, ярко указывает на то, что одних рукописных и литературных источников здесь явно недостаточно. На них можно строить конъектуры, но прочных достоверных выводов они дать не могут. Между тем есть другой путь к османской исторической фонетике, и в комбинации этих двух путей и состоит наиболее верный способ к овладению османской фонетикой в ее историческом аспекте. Это — изучение и параллельное привлечение всякого рода *транскрипционных* текстов. Международная роль османского языка имела своим результатом то, что до нас дошло громадное количество всякого рода османских транскрипционных текстов, начиная от отдельных глосс и кончая целыми сочинениями. Для целей транскрипции применялись всевозможные алфавиты, начиная с готского и латинского и кончая греческим, славянским, армянским, еврейским, грузинским. Роль транскрипционных текстов в истории других языков достаточно известна, и оставлять османские транскрипции вне поля зрения историка османского языка было бы крупнейшей методологической ошибкой: это счастливое обстоятельство, которое выгодно отличает османский язык от других турецких, должно быть использовано полностью в интересах исторической грамматики. Громадное преимущество транскрипций перед османской письменной традицией в том, что 1) транскрипции всегда¹ передают вокализм, 2) транскрипции всегда датированы или легко могут быть датированы. Наконец, наличие разноязычных транскрипций легко позволяет откидывать те черты текста, которые должны быть отнесены за счет местного, передающего языка, а не османского прототипа. В этом отношении особенно драгоценна сербская транскрипция в виду своего очень точного фонетически алфавита, при чем определение местных сербских артикуляций, в роде «*h* < *k*» и «*ħ* < *g*» не представляет никаких затруднений. Работа по транскрипционным текстам, требующая от турколога известной дополнительной квалификации, со своей стороны широко раздвигает горизонты исследователя. Откуда, например, как не из транскрипционных текстов (греческих и др.), можно составить себе представление об истории османского ударения, во многом отошедшего от общетурецкого? Как это замечено еще Pröhle V., транскрипция здесь поучительнее, чем недостаточные показания метрических османских текстов. Как можно понять смысл спорадического начертания *کلمس* (вм. *کلمز*) в османских рукописях, если не обратиться к транскрипции, которая скажет, что в известных фонетических условиях переход конечного «з» в «с» есть явление систематическое? Как можно установить время перехода сре-

¹ Речь идет о транскрипционных текстах на перечисленных выше языках.

динного ك между гласными и в конце закрытого слога в «j»), как не транскрипцией? Как определить время утраты начального и конечного «h» в македонских говорах, если не привлекать славянскую транскрипцию? Как возможно, далее, не пользуясь транскрипцией, установить стадии вокализации غ между гласными, случаи замены ج? Как узнать, наконец, время утраты «p» в слове «аслан» при неизменном начертании ارسلان, если не обратиться к показаниям транскрипции? и т. д. и т. д. Метод транскрипционного анализа есть, таким образом, историческая проекция того фонетического метода, каким мы пользуемся при анализе живых османских текстов. Конечно, не все транскрипции одинаковы безупречны в смысле лингвистической точности, но при обилии материала, который находится в наших руках, мы всегда можем критически отнестись к показаниям той или иной индивидуальной версии.¹ Важность транскрипционного анализа для османской исторической грамматики приходила в голову вдумчивому туркологу К. Фюю; намеки на это можно найти в работах В. А. Гордлевского и П. А. Фалева, но полностью эта проблема у нас еще не ставилась. Добавим, что балканские славяне — и, особенно, двуязычные — подошли к этому вопросу практически и имеют здесь кое-какой опыт, который должен быть учтен и при теоретической работе. Этой своей стороной вопрос о транскрипции подходит, таким образом, к вопросу о сотрудничестве славяноведения и туркологии, о чем уже приходилось говорить печатно.

Таким образом, лишь параллельный анализ османских литературных и рукописных памятников с одной стороны и транскрипционных текстов с другой — может дать надежный материал для характеристики отдельных эпох османской языковой эволюции. Само собой разумеется, не следует упускать из виду сравнения османского с другими турецкими языками для того, чтобы яснее учесть факторы общетурецкого значения. Направление всех наших изысканий должно идти «снизу вверх», т.-е. от данных современности к прошлому, данные которого мы должны получить путем реконструкции. Идти от большого и известного материала к скудному и мало известному, а не обратно. Это — настолько обычный методологически путь, что говорить о нем было бы, пожалуй, излишне, если бы среди представителей современной туркологии (науки молодой) не имелось лиц, которые

¹ Позволиительно заметить, что турецкий текст «Араба-филолога», издание коего составило эпоху, был тоже транскрипционным текстом, и значение этой публикации не только в том, что она вышла из-под рук «искусного мастера», но и в том, что это был транскрипционный текст. В значительной степени эта же сторона дела поднимает ценность новой работы Махмуда Кашгарского. Вопрос, таким образом, сводится к тому, какая транскрипция совершеннее — арабская или европейская, о чем, по-нашему, не может быть двух мнений.

(по крайней мере, в устной беседе) не держались бы обратного мнения.¹ Но помимо общих методологических оснований есть одно обстоятельство, которое властно повелевает исходить из современности. Как известно, историческая грамматика строится не только по оси временной эволюции языковых форм, т.-е. по принципу динамическому, но и по оси их территориальной распространенности в известный момент, т.-е. по принципу статическому. В нашем построении должны отразиться оба принципа. Но представление о статике языка с его диалектами, социально-языковой дифференциацией и т. д. можно получить только из современной речи, так как никакие литературные и рукописные материалы указаний на диалекты и вульгарную речь по общему правилу не содержат: эта сторона совершенно не интересовала по-мусульмански образованных османских авторов и была до некоторой степени враждебной исламу, стиравшему национальное начало в Турции. С другой стороны, транскрипционные тексты, составленные путешественниками и др. наблюдательными авторами в разных вилайетах, естественно отражают черты провинциальных говоров и вульгарной речи,² с которой, главным образом, и встречались названные авторы в житейском обиходе. Таким образом, при историческом анализе диалектизмов без транскрипций опять-таки не обойтись, и здесь выясняется новое, громадное, преимущество транскрипционных памятников перед османской письменной традицией. Благодаря своей датировке, первые довольно легко дают возможность проследить развитие османских языковых форм в период XIX и XVIII в. — база, достаточно прочная для дальнейшего ретроспективного анализа. Сравнение же полученного материала с османской письменностью XIX и XVIII вв. (главным образом рукописями) позволяет установить, как отражались эти изменения на письме и каким темпом они вообще шли. Комбинирование тех и других данных даст прочный материал и твердые критерии для дальнейшего продвижения вперед.

Таким образом, историческая грамматика османского языка может быть построена на анализе османских письменных памятников и рукописей и — с другой стороны — многочисленных исторических транскрипций на разных языках; как мы видели выше, эти источники не только не исключают друг друга, но являются совершенно необходимым дополнением один

¹ Стронникам обратного пути можно указать на практику других языков и, в виде новейшей конкретной и доступной иллюстрации, отослать к отделу «Методы изучения истории языка» в «Очерке истории русского языка» Н. Н. Дурново, где автор, сам работавший в этой области, делает теоретические выводы из своего опыта.

² Обстоятельство, немаловажное также для морфологии, синтаксиса и семантики. Таким образом, выясняется роль транскрипций для исторической грамматики во всем ее объеме.

к другому. Разработаны эти отделы не одинаково: отдел транскрипций при всех его многообещающих перспективах почти совершенно не изучен. Имея в виду произвести некоторые изыскания по исторической транскрипции, в конечном счете ведущие по описанному выше пути османской исторической грамматики, мы начали с анализа сербских турцизмов в произведениях народной поэзии по изданию Вука Караджича.¹ Во введении мы остановились подробнее на вопросе о славянской транскрипции и ее значении для туркологии; в настоящей работе эта сторона дела обходится молчанием, равно как и важный вопрос о русской транскрипции турецких слов и русско-турецком языковом взаимодействии. Этот важный вопрос — по существу, частный случай вопроса о славянской транскрипции и славяно-турецком языковом взаимодействии — имеет у нас свою историю и заслуживал бы целого ряда специальных статей. Обследовав после сборников В. Караджича македонские тексты Верковича,² мы остановились на любопытном и редком памятнике, так называемом «карамалицком» тексте, изучению которого и посвящена настоящая работа. Анализ еще некоторых подобных же памятников позволит, думается нам, дать известные обобщения по части турцизмов в южно-славянских языках и — обратная сторона дела — собрать материал по истории и диалектологии османского языка на основе балканско-славянской транскрипции — уголок «исторических транскрипций», который мы выбрали для своих наблюдений.

II.

Пущенная в научный обиход А. М. Селищевым³ Книга | за наѣчѣнѣ триѣхъ азѣкѣвъ | Славяно бѣлгарскѣи ѣ грѣческѣя | ѣ карамалицкѣи . . . принадлежит к числу редких памятников болгарской литературы и относится к периоду возрождения новой болгарской литературы, тесно связан-

¹ Эта работа нескольких лет под заглавием «Элементы турецкого языка в сербской народной поэзии» составлена по первоисточникам и включает в себе теоретическое исследование и словарь турцизмов. В настоящей работе мы позволяем себе делать ссылки на указанную статью о «сербских турцизмах» (в широком смысле), хотя статья эта еще не появилась в печати; отдельные главы из нее печатаются в ДАН-В, 1928.

² I том издан акад. П. А. Лавровым (Петроград, 1920), II издается им же. Просмотрев, по предложению акад. Лаврова, материалы I и II тома, мы составили глоссарий лексических турцизмов у Верковича, а также статью «Материалы Верковича, как туркологический памятник», которая должна выйти как приложение ко II тому македонских народных сказок Верковича.

³ В его капитальной работе «Очерки по македонской диалектологии», Казань, 1918, т. I, хорошо известной каждому слависту.

ного с деятельностью «солунской печати» хаджи Феодосия,¹ где в 1841 г. и была издана наша книга. В книге 24 страницы, при чем пагинация ведется только по левой стороне страницы, как в рукописи (при обычной пагинации было бы 48 страниц). Каждая страница разделена на 3 части: здесь приводится параллельный текст на болгарском, греческом и «карамалицком» языках (о значении этого термина ниже). Книга представляет библиографическую редкость: А. М. Селищеву известны всего 3 экземпляра ее.² Болгарский и греческий текст являются перепечаткой так называемой «Дидаскалии» хаджи Даниила, сведения о которой приведены у А. М. Селищева (op. cit., стр. 5—20). «Дидаскалия», имевшая целью облегчить изучение греческого языка албанцам, влахам и болгарам, не предназначалась в качестве руководства по турецкому языку; этот пробел пополнила лишь «Книга» хаджи Феодосия, которая из параллельных текстов Даниила удержала только болгарский и греческий, но зато прибавила «карамалицкий» (что в понимании читателей означало, как увидим ниже, турецкий). Кем и когда был сочинен «карамалицкий» текст для прибавления к болгарскому и греческому — неизвестно. Впервые он появляется лишь в издании 1841 г. Его стиль и синтаксис создают впечатление, что он был переведен с других параллелей ad hoc, при чем переводчик старался рабски подражать расположению слов оригинала часто в ущерб синтаксису того языка, на который переводил. «Карамалицкий» текст так же, как и другие параллели, представляет собой схоластического типа руководство, где отдельные фразы на разные житейские темы сменяют одна другую без всякой логической связи и внешне не отделяются друг от друга (большими буквами или точками); система расположения слов (одно — два слова на строке) придает этому фразеологическому руководству скорее характер словаря. «Карамалицкий» текст передан славянскими буквами, как болгарский и греческий. О последних известно, что они были списаны с греческого оригинала, что имело следствием ряд ошибок, исправленных А. М. Селищевым и, в некоторых случаях, его предшественниками (ibidem). Греческие орфографические навыки проходят сквозь текст и порою отражают его полное непонимание переписчиком. Прошел ли также и «карамалицкий» текст через руки греческого писца? Прямых

¹ О нем и его деятельности см. в работах Шопова и Дринова.

² Экземпляр Славянского Отделения Библиотеки Академии Наук, которым мы пользовались для настоящей работы, носит шифр $\frac{XXIV. \text{Ср.}}{1809 \text{ б. } 750}$ (библиотеки Срезневского), а не просто: 1809 б. 750, как у А. М. Селищева (op. cit., стр. 15, прим. 1). По сообщению А. М. Селищева, заглавный лист «Книги» издан Й. Ивановым. Стр. 9а в репродукции прилагается в конце настоящей работы.

указаний нет, но косвенных достаточно: это—употребление «г» (< γ) в значении «j (i)» (гюрѸмелісьнъ *بوروملى ساك*, гемецькь *بيكاك*, гетишмеишлеръ *بتشميشلر* и мн. др.) и смешение на письме «ш» и «с» с явным предпочтением в сторону «с». Последнее особенно типично для греческого посредства: отсутствие у греков звукопредставления «ш» заставляет их идти так далеко, что даже в школах, обучая детей французскому языку, преподаватели-греки зачастую произносят «le sien» вм. «le chien» (факт, сообщенный С. Г. Церунианом).¹ Так как на чисто турецкой почве, где не было иностранного влияния, подобные формы не могли приобрести характера системы и славянин не мог слышать их непосредственно от турка, то, повидимому, факт греческой передачи² не подлежит отрицанию. Было бы менее естественно, если бы хаджи Феодосий, выпуская книгу пользовался для каждого языка (или, по крайней мере, для «карамалицкого») материалом из особого источника: проще было получить все нужные сведения из одного общего, а таким, в силу культурных условий того времени, мог быть только греческий. В конце концов, греческому влиянию следует приписать и самый термин «карамалицкий», к анализу которого и переходим.

III.

По компетентному разъяснению А. М. Селищева, в окрестностях Салоник турецкий язык не имеет у славянских народностей другого названия, кроме «карамалицкого». Этимологически слово «карамалицкий» восходит к османско-турецкому «караманлы», что означает: житель или уроженец Карамана, караманец; «караманлы» под действием ассимиляции дает «карамаллы» и далее, на славянской почве, «карамали», которое и образует прилагательное с полным окончанием. Вопрос о «караманлы» не только чисто лингвистический, но еще более исторический и этнографический. Если отдельные колонии «караманлы» отмечены в разных местах славянских Балкан вплоть до Бессарабии (Мошковъ, Нарѣчія бессарабскихъ гагаузовъ, стр. III), то главная масса их обитает в Малой Азии в Конийском вилайете. В противоположность Мошкову (l. c.), который, согласно распространенной традиции, считает их «православными греками, говорящими по-турецки», автор интересной болгарской работы о караманцах Черновѣждъ старается

¹ Подобными же примерами письменного характера изобилует греческая транскрипция турецких текстов: ср. *Хемлягеі Сах Јомаһл* вм. *حکایة شاه اسماعیل* и мн. др.

² К нему ведут и такие детали, как чисто греческое выражение *كرامس ايتمك* — «угощать».

доказать, что караманцы так же, как и гагаузы, по происхождению турки и отличаются от остальных османских турок только в религиозном отношении. Начало их он возводит к малоазиатской сельджукидской (так называемой, «румской») державе, где было много турок, принявших христианство в результате долгой совместной жизни с византийскими греками. При распадении румской державы на уделы создано особое сельджукское государство со столицей Конией, которое имело среди своих подданных также и караманцев. При расширении османской державы Конию постепенно снизошла до роли караманского эмирства, которое во II-ой половине XV в. было разрушено Мехмедом II за свои слишком автономные тенденции. Особое положение караманцев и их эмирства чувствовалось и до катастрофы, и после нее; пословица гласит, что с Караманом еще не все кончено: «караманский баран еще покажет себя».¹ По мнению Черновѣжда, караманцы отличаются от османцев не только по вере, но и по образу жизни и характеру: они гораздо ближе сроднились с греко-латинским миром, чем сменившие сельджуков турки-османы, и самый факт принятия ими христианства, возникший, как результат деятельности византийской, армянской и позднее — католической и протестантской духовных миссий, был также фазисом западного влияния. В результате этого одна часть караманцев подпала под власть греческого письма, другая — армянского. Однако полное господство в жизни османского языка и почти абсолютное незнание ими греческого служат доказательством того, что они не греки: иначе они сохранили бы язык, как греки трапезунтского округа. В понятиях караманцев религия и нация совпадают; поэтому православные караманцы называют себя روم ملتی, а григорианцы — ارمنی ملتی; мухаммедан бывшего караманского эмирства они называют مسلمان или اسلام, а остальных турок — عثمانلی. Первые караманцы изучают в школе греческий язык, вторые — армянский, но знание этих языков слабое: малограмотные в житейском обиходе называют даже религиозные предметы по-турецки; слова обращения и собственные имена их, разобранные Черновѣждем на стр. 441 сл. его работы, также чисто турецкие. Они охотно изучают литературный османский и западно-европейские языки, но совершенно не имеют тяготения к греческому и армянскому, от которых взяли только алфавит. Народные предания караманцев производят их или от св. Василия (православные), или от Григория, просветителя Армении (григорианцы). Забвение греческого и армянского языков, непонятное в таком случае, также объясняется путем легенды: османцы отрезали языки караманским «деспотам и караба-

¹ قاره مانك قوبونى صوكره چي قار اوپونى. Русский перевод взят у В. А. Гордлевского.

шам», и таким образом народ вслед за знатью позабыл родной язык. Очень важно, что сами караманцы никогда себя так не называют (Червовъждъ, стр. 440): название *کارامانلی* придают им греки, армяне, болгары и османцы. Известно, что караманцы в силу сношений с итальянскими торговыми республиками и по другим причинам часто эмигрировали из Анатолии на Балканы; в частности, сильные эмиграционные волны направлялись в район Салоник. В результате этих переселений название «карамали» или «карамалицкий» было перенесено с новых пришельцев и присвоено всем вообще туркам округа.

При разборе «карамалицкого» текста встает вопрос, с чем мы собственно имеем дело: с караманским диалектом, как таковым, или с турецким языком салоницкого округа, которому по указанной выше ассоциации было присвоено наименование «карамалицкого». Подробный анализ фонетических фактов, прилагаемый ниже, заставляет прийти к выводу, что перед нами не собственно караманский диалект в том виде, как мы его знаем по описанию Максимова и другим источникам, а говор эклектического типа, в котором причудливо переплетаются отдельные черты анатолийских и балканских диалектов. Введя «карамалицкий» текст в русло османских диалектов, мы имели случай сопоставить и пересмотреть тексты всех этих последних на предмет синтетических обобщений. Но анализ материала с привлечением самого последнего (Kowalski, Räsänen, Гордлевский, *خلقیات*) показал, что стремиться к синтезу здесь положительно преждевременно. Отдельные факты спорадически встречаются по всем частям османской языковой территории; многие районы совершенно не обследованы диалектологически, по другим имеются скудные сведения. Поэтому мы убедились, что в деле проведения изоглосс осторожнее не идти дальше схемы Фоя, предложенной в его «*Azerbajdžanische Studien*». Диалектологическая карта османского языка, начертанная сейчас при недостаточном и качественно разнородном материале, несомненно, грешила бы во многих отношениях. Если некоторые диалекты рельефно выделяются и теперь, как северо-восточно-анатолийские (Räsänen, Bonelli, Писарев), кастамунийский (Thury), айдынский (Фой), конийский, включая караманский (Giese, Максимов), македонский и румелийский (Кунош, Ковальский, Чилингилов), боснийский (Blau) — то все же нет сведений о точной территориальной распространенности отдельного диалекта и о его истории. При таких условиях работа не должна выходить за пределы статического описания; центр тяжести — в углублении обследования живых говоров, и это, повидимому, возьмут на себя ученые тех стран, для которых научные занятия в Турции являются легко осуществимыми.

Так как диалектологическая работа предъявляет известные требования к источникам, то здесь уместно обратить внимание на те записи, которые имеются в нашем распоряжении. Большинство авторов преследовало одновременно фольклорные цели, и потому среди наших текстов преобладают записи песен. Kowalski в предисловии к «Volkslieder aus Mazedonien» (167) указывает на малую пригодность песен для диалектологических изысканий: песни трафаретны, зачастую изложены искусственным языком и, страствуя по вилайетам, впитывают черты местных говоров, а личное творчество певцов-апыков еще более отдаляет от разговорного и без того искусственное «Liedersprache». А. М. Селищев в своей работе по македонской диалектологии оговаривается (op. cit., стр. III): «Из записей исключены песни, ибо язык их, как известно, может не соответствовать языку разговорному, употребляемому в данной местности». Однако при наличии параллельных данных этот исследователь склонен в известных случаях привлекать и песни (ibidem). Нам кажется, что mutatis mutandis ту же точку зрения следует применять и к османской диалектологии в ее современном состоянии. В самом деле: отказавшись от использования песен, мы выкинем за борт едва ли не большую часть материала, тогда как при пользовании параллельными прозаическими и специально диалектологическими текстами показания песен нейтрализуются. К тому же за последнее время довольно сильно распространился тип изданий, которые содержат фольклорные образцы прозаического и стихотворного типа одновременно (Giese, Гордлевский, Ковальский). Таким образом если османскую диалектологию нельзя основывать на одних песнях, то без песен при ее изучении не обойтись: метрические тексты Räsäned'a являются, например, лучшим материалом по северо-восточным диалектам¹ Анатолии. Разделяя таким образом диалектологические материалы на две категории и учитывая это при выводах, мы указываем, что необходимое использование 2-й категории (песен) есть лишний аргумент в пользу того, что от составления диалектологической карты османского языка следует пока воздержаться.

В качестве исходного пункта для фонетических сопоставлений мы брали современный османский литературный язык — единственный критерий, приложимый ко всем диалектам. Прекрасная работа Bergsträsser'a по константинопольской фонетике благоприятствует такому методу работы. Автор, изучая на месте константинопольское произношение, пользовался экспериментальными данными и указал ряд деталей, прежде ускользавших

¹ В виду неразработанности османской диалектологии, термины «наречие» и «диалект» иногда употребляются безразлично.

от внимания. В результате рассмотрения довольно большого материала по литературному языку, диалектам и транскрипциям мы пришли к выводу, что изолированное положение османского языка, — на которое указывают классификации, сильно преувеличено: в живой речи наблюдаются в той или иной степени почти все те процессы, которые характерны для других турецких языковых групп: $\check{c} > d\check{s}$, $\check{z} > \check{z}$, $-maz > -mas$ и т. д. Наиболее твердым признаком османского (и южной группы) является наличие начальных звонких «d» и «g» — вопрос, ожидающий разработки. В общем наши выводы, отмечая фонетическую близость османского языка к другим турецким, тем самым подчеркивают важность фонетических исследований в той и другой областях.

IV.

В каком отношении «карамалицкий» текст интересен для османской диалектологии и как он может быть использован? Прежде всего необходимо указать, что если фонетика текста весьма существенна для нас (оговорки — выше), то синтаксис его — не турецкий и для наших целей не может быть использован. Последнее объясняется историей текста: переводчик рабски передавал на «карамалицкий» не только каждое слово славяно-греческого оригинала, но и сохранял взаимное расположение слов, и так получались заведомо не-турецкий порядок слов и не-турецкое управление. Вот примеры:

1) кѣрѣтмальсьнѣ | ѡтѣ гизѣль; *бол.* да ѡсѣсишь | сѣнѡто ѡрно.

По-турецки получается: قوروتلى سىك اوتى كوزل.

2) Осмонларѣ ѡчин; *бол.* за тѣрчите.

Переводится каждое слово (последлог, правда, стоит на должном месте).

По-турецки выходит: عثمانلىلر ايجون (вм. عثمانلىلر ايجون).

3) чанакларѣ | тѣтѣсьнѣ | ѡкамьшь темизъ; *бол.* паниците | да ѡдеришь | ѡзмѣни хѣрно.

4) лакардѣда фена; *бол.* и спороть лѡшотъ.

По-турецки вышло бы: لقردى ده فنا в значении: дурная речь (sic!).

5) белмиздѣда | ѡлѣсьнѣ | бирѣрь кѣшакъ | ѡпаадашь; *бол.* и на стрете | да ѡмаме | пѡ ѣденъ пѡшь | вѡлно.

6) гюрдѣм бѣрѡѡ | фенѡ; *бол.* видоѡ ѣден сѡнь | лѡшѡ.

По-турецки вышло бы: كوردم بر رويانا فنا (sic!).

7) ѡчѡн ѡпацаксьнѣ | ѣспаць | дикат ѣтмелѣсьнѣ ѡпмакъ ѡчинъ | гѣнишь *бол.* кога да направѡшь | рѣбите хѣлѣстата | да ѡмашь вѣме затѡ ѡ чѡнишь | шѣроки.

8) касьларъ | йкй евлѣкъ | гелмек ичин чѡкъ сѣ | сѣлансьнъ | бахче;
бол. кѡпаать | два хендека | затѣ йдигъ мнѡгѣ вода | й да севадигъ | бахчета.

9) хаиванларъ | ѣбанларъ; бол. имането | дивите.

По-турецки было бы: حيوانلر يبانلر (sic!) в значении: дикие животные.

10) йчерлер кане фѣкералеринъ, т.-е. اچرلر قانى فقرالرك (sic!).

Особо отметим частое употребление относительных местоимений и слов, для каковой цели служат обычно турецкие вопросительные слова; при этом *ки* и *не*, употребляющиеся безразлично, обозначают: кто? какой? что?, а *ничюн* не только: почему?, но и: потому что. Примеры: 1) башьм арьрь *ничинъ* вѣрдѣ бйр йхтиаръ = бол. ме болить желѡтъ оти мѣ оудри ѣдна стара. 2) агларларда кичѣк вѣ бйкъ *ничин* аачтырь = бол. плѣчайтѣ мѣли и гѡлеми оти се клатни.¹ 3) ѡнарън *не* вѣръ акьлъ = бол. тѣщѡ ймаатъ ѣм. 4) катерларѣ ѣкьшьрь кавй *не* гитерѣрь ѣзактѣнъ = бол. маските вел-аатъ мѡшне ѡтѣ донесатъ ѣ далеко. 5) сень *не* нешатън вар = бол. ти цѡ сй рѣтѡсень. 6) кѣѣм даатѣсьнъ *ничинъ* ѣчанъ ѣртитирѣрь й кьлмазь = бол. . . . ѡтѣ ѣкѡ се трѣсит зѣма не се ѣрават.

Придаточные временные и условные часто вводятся словом *хапѣан*, которое, по сообщению С. Г. Церуниана, употребляется еще и теперь в живом стамбульском говоре (особенно в устах женщины).²

Пример: ачанъ вардеръ чебанъ омжунда ѣпасьнъ мехлемъ (= когда у тебя чирый на плече . . .).

Слово *вар* употребляется не только в его основном, турецком, смысле, но и в смысле *др*. Примеры: 1) кимваръ евлѣтъ ѣмъ кьзларъ = бол. кѡп иматъ сѣна й кѣрки. 2) карй *неваръ* юзѣкъ = бол. жѣната цѣ ймат пар-стени. Но: 3) даргън вар адамѣ вм. *طارغين در*.

Следует отметить также употребление *берханкй* в смысле «несколько» (здесь опять вместо относительного слова поставлено вопросительное): коасьн бйр ангй измекар.

В употреблении послелогов заметно также отклонение от османской схемы: гѡктѣ кадаръ вм. *قدر* *кѡкѣ*, кендемѣ йчигъ вм. *کندم اچيون*.

Отклонения от болгарского образца редки. Так, во фразе: тернакларй кесѣр — порядок обратен болгарскому: сѣчитъ нѡктите. Вместо болгарского: тѡкъ тѣка — переведено: работасьз *رابطه‌سز*.

С точки зрения турецкого синтаксиса интересно употребление местного падежа вм. дательного; примеры: гачарларъ Анадолда вм. *آناطولويه*; кѡктеда гирѣрь (бол. й влѣзѣт вѣ кѡрен) вм. *كوكه ده كيرر*; чѣктим пазардѣ

¹ Поправок в славянский текст «Книги» я здесь, как и всюду, не вносил.

² Напр., *هاچان كوردم* когда я видѣла (без вопроса).

вм. بازاره چيقدم; гирейм биръ киктѧ вм. کيرهيم بر قاينه; гитсьнъ клиседе
вм. کيتسون کايسايه.

Интересно также употребление формально действительных форм в смысле страдательных: 1) при форме на مش: чокъ семьшь = چوق سولش, йкамъшь чаталь = بيغامش چتال, 2) в других случаях: кесьнъ пенирь (пусть превратится в сыр) вм. کيسلسون پينير.

Частое употребление энклитики ده, отмеченное и в гагаузском, соответствует по месту болгарскому члену определенному и, быть-может, обусловлено болгарским влиянием, как это предполагает Мошков (op. cit., стр. XXVI). Зато другая особенность — частое употребление optativ'a — чисто османская, характерная для старых текстов.

Ударение, расставленное в «карамалицком» тексте довольно непоследовательно, мы специально не рассматриваем, хотя некоторые случаи дают материал для этюдов по османскому ударению так же, как и греческие транскрипционные тексты. Отметим попутно лишь правильное ударение в I лице optativ'a: атаймъ, гиреймъ, юзеймъ (повидимому, аналогическая форма к:оалалым), которое в некоторых учебниках, особенно ориентирующихся на другие турецкие языки, показано на предпоследнем слоге.

В дальнейшем прилагается фонетическая характеристика¹ «карамалицкого» языка, как одного из османских диалектов,² и самый текст. Расшифровка его в силу орфографии иногда была затруднительной (напр.: «биръ анкикирь» означает: بر هانكى کير, а «ертелерь сата» — (بيرتلرسه ده); поэтому некоторые слова остались неясными. При них, как и в других нужных местах, сделаны указания на другие параллели текста (болгарскую и греческую).

А. М. Селищеву, тонкому знатоку македонской диалектологии и горячему стороннику изысканий в области Turco-Slavica, автор выражает свою глубокую признательность за тот интерес, с которым он относился к настоящей работе во всех ее стадиях.

Москва.
Август 1927 г.

¹ Морфология и синтаксис нами специально не затрагиваются помимо того, что было сказано в этой части введения.

² Интересно отметить, что часто турецкие слова текста поясняются в болгарской параллели турецкими же, но фонетика турецких слов, признанных болгарскими, несколько иная и, во всяком случае, более архаичная (сохранение «х»; ср. Мошков, op. cit., стр. XXV): «карамалицкое» слово: оуветъ — пояснено, например, «болгарским»: кветъ, слову: асланъ — соответствует «болгарское»: арсланотъ (sic!), слову: вакъть — «болгарское»: заманъ, слову: пьнбшлерде — «болгарское»: въ зѧфетите — и т. д.

Л И Т Е Р А Т У Р А .

- 1) Кни́га за насчѣніе трихъ азѣквѣвъ. славяно бѣлгарскѣи ꙗ грѣческыя ꙗ карама-
лѣцкои, Солунь, 1841.
- 2) Лавровъ, П. А. Сборникъ Верковича, I, Петроградъ, 1920.
- 3) Селищевъ, А. М. Очерки по македонской диалектологіи, т. I, Казань, 1918.
- 4) Шоповъ, А. Изъ новата история на бѣлгаритѣ въ Турція, Пловдивъ, 1895.
- 5) Черновѣждъ. Нѣколко думи за Караманцитѣ, Периодическо Списание на
Бѣлгарското книжовно дружество въ Срѣдецъ, година осма, кн. XXXIX, Срѣдецъ, 1892.
- 6) Дриновъ, М. С. Нѣколко бѣлжки за триезичната солунска книга, Книжици за
прочитъ . . . кн. VIII — X, Солунь, 1891.
- 7) Даничић, Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. У Београду, 1863.
- 8) Поповић, Ђ. Турске и друге источанске речи у нашем језику, Гласник Српског
Ученог Друштва, кн. 59, Београд, 1884.
- 9) Marinkovitch, Louka K. Vocabulaire des mots Persans, Arabes et Turcs introduits
dans la langue Serbe avec un exposé de la littérature Serbe, Verhandlungen des fünften inter-
nationalen Orientalisten - Congress, 2 Theil, 2 Hälfte, Berlin, 1882.
- 10) Miklosich, F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Spra-
chen, SWAW, Bd. XXXVII — XXXVIII, Wien, 1889.
- 11) Miklosich, F. Über die Einwirkung des Türkischen auf die Grammatik der südost-
europäischen Sprachen, DWAW, Bd. CXX, Wien, 1890.
- 12) Kraelitz-Greifenhorst, F. Corollarien zu Miklosich «Die türkischen Ele-
mente . . .», SWAW, Bd. CXLVI, Wien, 1911.
- 13) Влац, О. Bosnisch-türkische Sprachdenkmäler, Abhandlungen für die Kunde des
Morgenlandes . . . , V Band, № 2, Leipzig, 1868.
- 14) Чилингиров, С. Турски пословици и характерни изрази, Известия на
Народния Етнографски Музей в София, 1922, кн. III и IV; 1923, кн. I и II. См. ДАН-В, 1927,
стр. 210 сл.
- 15) Мошковъ, В. Нарѣчїа бессарабскихъ гагаузовъ, «Образцы . . .» В. В. Радлова,
т. X, СПб., 1904.
- 16) Мошковъ, В. Турецкія племена на Балканскомъ полуостровѣ, ИРГО, т. XI, вып. 3.
- 17) Bilguer. Mazedonisch-türkische Wörtersammlung mit kulturhistorischen Erläute-
rungen, Berlin, 1889.
- 18) Ronzevalle, L. Les emprunts turcs dans le grec vulgaire de Roumélie et spécia-
lement d'Adrinople, JA, 1911.
- 19) Huart, Cl. Notices sur trois ouvrages en turc d'Angora imprimés en caractères grecs,
JA, IX série, v. 16.
- 20) Kraelitz-Greifenhorst, F. Studien zum Armenisch - Türkischen, SWAW, Bd.
CLXVIII, Wien, 1912.
- 21) Мсерианцъ, Л. Этюды по армянской диалектологіи. Ч. 1. Сравнительная фоне-
тика Мущкаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара, Ученыя Записки И. М. У.
- 22) Jacob, G. Zur Grammatik des Vulgär-Türkischen, ZDMG, Bd. 52.
- 23) Bonelli, L. Appunti grammaticali e lessicali di turco volgare, Actes du XII-ème
Congrès des Orientalistes, Florence, 1902.
- 24) Bonelli, L. Della iterazione nel turco volgare, Giornale della Società Asiatica Ita-
liana, vol. XIII.
- 25) Bonelli, L. Locuzioni proverbiali del turco volgare, K. Sz., 1900 = Bonelli, Volg.
(сокращенно).
- 26) Bonelli, L. Voci del dialetto turco di Trebisonda, K. Sz., 1902 = Bonelli, Treb. (со-
кращенно).
- 27) Kúnos, I. Oszmán-török népköltési gyűjtemény, Budapest, 1887 и 1889 (т. 1 и 2).

- 28) Kúnos, I. Materialien zur Kenntnis des Rumelischen Türkisch, Teil 1. Türkische Volksmärchen aus Ada-kale, Leipzig - New York, 1907 = Kúnos, Ada-kale (сокращенно).
- 29) Kúnos, I. Rumelisch-türkische Sprichwörter, K. Sz., 1906 = Kúnos, Rum. (сокращенно).
- 30) Kúnos, I. Kisázsia török dialektusairól, I, Budapest, 1896.
- 31) Фоу, К. Türkische Vocalstudien, MSOS, Westas. Abteilung III, Berlin, 1900.
- 32) Фоу, К. Der Purismus bei den Osmanen, MSOS, I, 1898.
- 33) Bittner, M. Der Einfluss des Arabischen und Persischen auf das Türkische, SWAW, Bd. 142.
- 34) Meyer, G. Türkische Studien. I. Die griechischen und romanischen Bestandteile im Wortschatze des Osmanisch-Türkischen, SWAW, 1893.
- 35) Фоу, К. Azerbaïganische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen, MSOS, Westas. Abteilung, 1903 = Фоу, Azerb. Studien (сокращенно).
- 36) Ашмарин, Н. И. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Баку, 1926.
- 37) Ромаскевичъ, А. А. Пѣсни кашкайцевъ (отд. оттиск из Сб. МАЭ, т. 5).
- 38) Ефетов, С. Б. и Филоненко, В. И. Песни крымских татар, Симферополь, 1927.
- 39) Филоненко, В. И. Загадки крымских татар, Симферополь, 1926.
- 40) Chatskaya, O. Chansons tatares de Crimée, JA, 1926, avril-juin.
- 41) Kowalski, T. Osmanisch-türkische Volkslieder aus Mazedonien, WZKM, XXXIII = Kowalski, Volkslieder (сокращенно).
- 42) Balhassanoglu. Dialecte turc d'Erserum, K. Sz., 1904.
- 43) Räsänen, M. Eine Sammlung von mäni-lieder aus Anatolien, Helsinki, 1926.
- 44) Thury, J. A kasztamuni-i török nyelvjárás, Budapest, 1885.
- 45) Giese, F. Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah, Halle - New York, 1907.
- 46) Писаревъ, В. Нѣсколько словъ о трезизондскомъ діалектѣ, СПб., ЗВО, 1901, т. XIII.
- 47) Мартиновичъ, Н. Н. Турецкая сказка объ «угадчикѣ поневолѣ», Сборникъ в честь Г. Н. Потанина = Мартинович, Сказка (сокращенно).
- 48) Максимовъ, В. Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектов в Худавендгарѣ и Карамани, СПб., 1867 г.
- 49) Фоу, К. Das Aidinisch-Türkische, K. Sz., 1900 = Фоу, Aid. Тк. (сокращенно).
- 50) Balkanoglu. Dialecte turc de Kilis, K. Sz., 1902.
- 51) Littmann, Enno. Ein türkisches Märchen aus Nordsyrien, K. Sz., 1901.
- 52) Kowalski, T. Piosenki ludowe anatolskie o rozbójniku Czakydzým, Rocznik Orjentalistyczny, I = Kowalski, Piosenki (сокращенно).
- 53) Гордлевскій, Вл. Образцы османскаго народнаго творчества, ч. 1, Москва, 1916 = Гордлевскій, Образцы (сокращенно).
- 54) Гордлевскій, Вл. Османскіе сказки (отд. оттиск из «Этнографическаго Обзорѣнія», кн. 90—91).
- 55) Гордлевскій, Вл. Матеріалы по османскому фольклору, Живая Старина, 1911.
- 56) Гордлевскій, Вл. Матеріалы для османскаго народнаго календаря, Живая Старина, 1911.
- 57) Гордлевскій, Вл. Османскія историческія сказанія, Этнографическое Обзорѣніе, 1915, № 1—2.
- 58) Смирновъ, В. Д. Мнимый турецкій султанъ . . . Calerinus Cyrgiscelebes, СПб., ЗВО, 1907, т. XVIII.
- 59) Смирновъ, В. Д. Древнѣйшая датированная турецкая рукопись XIV в. СПб., ЗВО, 1914, т. XXII.
- 60) Мелиоранскій, П. М. Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ, СПб., 1900.
- 61) Мартиновичъ, Н. Н. Новый сборникъ стиховъ Джелаль-ед-дина Руми и Султана Веледа, ЗВО, Петроградъ, 1917, т. XXIV.
- 62) Deny, J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris MDCCCXX.
- 63) Radloff, W. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Teil 1 und 2.
- 64) Bergsträsser. Zur Phonetik des Türkischen, ZDMG, Bd. 72.

- 65) Meninski. Institutiones linguae Turcicae, Vindobonae MDCCLVI.
66) Viguier. Elémens de la langue Turque, C-ple, 1790.
67) Pfizmaier. Grammaire Turque, Vienne MDCCCXLVII.¹
-

- 68) بولغارلرک منشائی تالیف ایوان مانولف باشی انجی بیلک ۱۷ نجی صایمسنده
(تورک یوردی).
69) دفتر غلطات اثر خامه علی سیدی در سعادت ۱۳۲۴ = (сокращенно) د. غ.
70) قونیہ ولایتی خلقیات و حرثیاتی مؤلفلری سعد الدین نزہت و محمد فرید
قونیہ ۱۹۲۶ = (сокращенно) خلقیات.

Примечание. Из сокращений, принятых для периодических изданий, требует объяснений лишь SWAW = Sitzungsberichte der k. u. k. Akademie der Wissenschaften, philos. - hist. Classe и DWAU = Denkschriften... той же Академии; остальные — обычны.

¹ Интересная по теме статья Атанаса Илиева «Турски изговоръ и български мѣстни имена» (Списание на Българската Академия на наукитѣ, Клонъ ист.-фил., кн. XIV) осталась для меня недоступной в силу того, что этот № журнала, вышедший в годы войны, отсутствует в наших библиотеках.

Фонетика „карамалицкого“ языка в связи с другими османскими диалектами.

ВОНАЛИЗМ.

§ 1. Гласный «а».

Среди «карамалицких» слов, имеющих в литературном языке соответствие с гласным «а», находится большая группа слов, где перед «а» стоит «j (ä)», при чем на письме оба звука изображаются одним символом: «ѣ». Так как из турецких источников известно, что «а» перед и после «j (ä)» склонно переходить в широкое «е» типа английского man (ср. Bergsträsser, (р. 240-1),¹ а македонские говоры Солуни и к югу от нее не знают «а» после мягких согласных, давая исключительно «я», — то под действием этих двух факторов, ведущих к одной цели, «карамалицкий» диалект воспользовался для передачи турецкой группы звуков «jä < j + а» обычным ему по славянским орфографическим навыкам «ѣ».

ѣпамесьнь < jăpămäjasyn ياپهميسك; ѣсемăъзъ < jăšămä'ыз яшамайз; ѣпелмишь < jăпылмыш ياپلمش; ѣкьнь < jăкьн يقين; ѣвармаледе < jăлвармалы-да يالوارملي ده; ѣмадасьнь < jăмадасын يامادهسك; ѣксьнде < jăксьн-дă ياقسون ده; ѣры < jăры يارى; ѣпааданъ < jăпа'ыдан ياپاغیدن; ѣпасьнь < jăпасын ياپهسك; ѣтаандан < jăта'ындан ياتاغندن; ѣкьшьрь < jăкьшьр ياقышыр; ѣзьнь < jăзын يازين; ѣстапъ < jăсы тап ياصى طاش; ѣврулары < jăврулары ياورولرى; ѣпмакъ < jăпмак يابق; ѣтакъ < jăтак ياتاق; ѣпищера-сьнь < jăпыштырасьн ياپшدرهسك; ѣпацаксьн < jăпацаксын ياپهقسك; ѣтаане < jăтă'ыны يатаغنى; ѣпелмишь < jăпылмыш ياپلمش; ѣненда < jă-нында ياننده; ѣмѣръ < jă'мур ياغмур; ѣкасьнь < jăкасын ياقهسك; ѣраръ < jăрар يارار.

Из диалектов то же явление спорадически отмечено в трапезунтском jəsi (Räsänen, от. cit., p. 47) < ياصى, в македонских говорах (Kowalski, Volkslieder, p. 174): eĵva вм. aĵva, в говоре Ада-кале (Kúnos, op. cit.): jejni < ja'ni يعنى. В конийском диалекте (خليقيات, стр. 212) обычная турецкая орфография указывает на переход «а > я» (о причинах несколько ниже): يارهنم قيزلر مرحبا, что можно прочесть только: jărănim kызлар мерхаба. Та же официальная орфография отмечает для литературного языка: سيردان شیردان из سائس (غ. د. , стр. 142) и سيردان شیردان из سائس.

¹ В «карамалицком» тексте нет указаний на другое действие «j», именно на «а > ы» перед «j»: ачылмыѣор (Гордлевский, Образцы, стр 159) < ачылмаѣор, асмыѣор, басмыѣор (ib., 134). См. особенно Kowalski, Piosenki, s. 350.

(.د.غ, стр. 147). В азербайджанском языке «а» под влиянием «ј» или «ğ», дает «ä» (ср. Ашмарин, *op. cit.*, стр. 26).

Кроме «ј» и «ğ» (Bergsträsser, *op. cit.*, p. 240-1), на гласный «а» в смысле его перехода в «ä» влияет мягкое «l», вызывая прогрессивную или регрессивную ассимиляцию по признаку палатальности (*ibidem*). Этим, повидимому, надо объяснять изменение ряда гласных в слове: äлма < алма. В «карамалицком» тексте засвидетельствованы обе формы: алма и ъелма, которые, повидимому, существовали там, как фонетические дублеты. Другое такое же слово: «äла» из нормального и общетуецкого «ала» ۷۱ отмечено в ангорском вилайете в фонетической записи Гордлевского (Образцы, стр. 153) и — на другом конце османской языковой территории — в одной боснийской рукописи XVI в., писанной особым шрифтом — «босаницей».¹ Отметим также форму kale (вм. kała) < قاله (Kúnos, Ada-kale, p. 9) и записанное Ковальским в Македонии (Volkslieder, p. 192): dale вм. dała ڤاله. Сюда же можно присоединить известные из османского литературного произношения: halä (вм. *hal-a) حاله, ahvalä (вм. *ahval-a) احواله, ihtimalä (вм. *ihtimal-a) احتماله, mahallä (вм. *mahall-a) محله (дат. пад. от mahall محل), lijälä (вм. *lijal-a) ليلاله и др.² Далее, с этим явлением связана отмеченная в некоторых диалектах тенденция систематически диссимилировать известные приставки на «л (l)» с гласными корня и, именно, в сторону предпочтения мягких вариантов приставки. Ср. в македонских говорах: ađle < آغلا, bajledm̄ < باغلام, dađler < طاغлер (Kowalski, Volkslieder, p. 169 и *passim*), а также трапезунтский диалект, где по замечанию Писарева (*op. cit.*, стр. 175), множественные числа почти исключительно имеют окончание «lär». В «карамалицком» тексте имеем формы: леазъмъ и леакъмъ, которые восходят к живым: läзым < láзым (не *лазым) и läкiм < láкiн (не *лакiн).

Кроме «l», роль согласного, смягчающего последующий гласный, принадлежала звуку «р», палатализованному «р», наличие которого подтверждается гагаузским и кашкайским диалектами (подробнее см. в отделе «р»), хотя у Bergsträsser'a об этом и не говорится (l. c.). Здесь мы имеем такие формы, как: dälare < дä'лара ڤاغله и jađlalarə < jađлалара ڤايلالاره для Трапезунта (Räsänen, *op. cit.*, p. 38); jare вм. jara ڤاره для Македонии (Kowalski, Volkslieder, p. 190), где отмечены также: kare (*ibidem*) вм. kara, jareli (ib., p. 204) вм. jaгаli; для Кони имеем: jaг-e (Giese) вм. jaг-a, причем это слово всюду имеет аффиксы с передними гласными: ср. си-васское jare вм. jaг-a (Гордлевский, Образцы, стр. 159), южно-бережно-

¹ См. ЗКВ, II, стр. 107. Та же форма у Kowalski, Volksl. 182.

² Армянско-турецкий диалект следует здесь за литературным османским: hale, husule (Kraelitz, *op. cit.*, p. 24).

крымское: уагеш в.м. уаг-ім (JA, 1926 avril-juin, p. 352, 360, 354). В Крыму от слова *يار*, которому присвоено значение «возлюбленный», образован женский род по арабскому образцу, который звучит *jar-e*, а не *jar-a* (но *jara* — «рана»); форма эта известна и в Турции, ср. у Гордлевского, (Образцы, стр. 127) сивасскую запись: *jareler*. В конийском сборнике *خلقيات*, стр. 10 находим в качестве рифм: *ناره* — *قاره* — *ياره*, т.-е. *jare* — *каре* — *наре*; там же, на стр. 159 рифмуют: *ناره* — *ياره* — *اواره*, что следует читать, как: *наре* — *jare* — *аваре*. Форма *bir-ez*¹ < *bir az*, наблюдавшаяся довольно часто (ср. Гордлевский, Образцы, стр. 146; Kúnos, Adakale, p. 20, Räsänen, p. 53, Bonelli и др.), также обязана своим возникновением смягченному «р». Наконец, существует целый ряд арабских слов, которые в хорошем константинопольском произношении² всегда сочетаются с мягкими аффиксами. Это можно наблюдать в тех, сравнительно редких случаях, когда арабские масдары стоят без турецкого вспомогательного глагола в непосредственной зависимости от послелога или глагола и прилагательного, управляющего дательным падежом. Из таких случаев мною отмечены все слова типа *istiđarä* *استجاره*, а также: *iđtidar-ä* *ابتداره*, *iđtisar-ä* *اجتساره*, *istiđsar-ä* *استغساره*, *istiđfar-ä* *استغفاره*, *zuhur-ä* *ظهوره*; из других категорий арабских имен: *asar-ä* *آثاره*, *amir-ä* *أمره*.³ Большинство арабских слов на «-ар» и все персидские на *كار* и *دار* имеют в дательном падеже нормальное «а», и, хотя едва ли возможно как-нибудь формулировать принцип подобной дифференциации, факт его существования сомнению не подлежит.

Кроме указанного, переходный звук от «а» к «е» — именно «ä» — отмечен Bergsträsser'ом (op. cit., p. 240—241) для константинопольского говора в сочетаниях типа: *dedim-jä* *ديدم يا*, *adäm-dä* *آدم ده* (безударная энклитика *ده*), в исходе приставок иностранных слов с последним долгим: *dünjä-dä*,⁴ то же в турецких словах после «ы», склонного к «i»: *omuzlagyn-ä*, при регрессивной ассимиляции типа *qälil* < *qalil* *قليل* и в отдельных словах заимствованных и турецких: *fäqat* ~ *faqat*, *qadär* ~ *qadar*, *qardäš* (ср. новое правописание *قاردهش*).

¹ К. Фоу, Aid. Тк., p. 187 указывает на ассимиляцию «а» с «е» в заимствованных словах: *mezar* *مزار*, *ezen* *اذان*, *hemen* *همان*, *tegez* *تزازو*. В «карамалицком» тексте это известное явление не отмечено.

² Свои наблюдения я проверял на произношении С. Г. Церуниана.

³ Известную роль играла здесь долгота предшествующего слога, дающая в османском полудолготу (см. немного ниже в отделе «а»).

⁴ А также: *bađ-dä* *بابده*, *an-dä* *آنده* и *hal-dä* *حالده*, *mahall-dä* *محالده*, *ihtimal-dä* *احتمالده* (под влиянием «l»); см. Kraelitz, op. cit., p. 24).

По признаку количества Bergsträsser (op. cit., p. 238-9) устанавливает краткое, полудолгое и долгое «а». Открытое краткое «а» наблюдается в ударных слогах (-da, -dan), закрытое — в неударных, по соседству с «z» (zaruret) и при назализации гласного под влиянием последующего «m» и «n» (insaⁿlara, aⁿlamak). Полудолгое «а» (a') выступает исключительно в литературном произношении в тех заимствованных словах, которые имеют первоначально долгий гласный (ba'riz, a'b'çhava); полудолгое «а» — закрытое. Наблюдения Bergsträsser'a о полудолгом «а» согласуются с тем, что я отмечал в произношении С. Г. Церуниана: isticba'l استقبال, kéma'l-i мемнуvijjet-le, ahva'lim и т. д. Räsänen в своей работе указывает полудолготу и в турецких словах (особенно в закрытых конечных слогах), но, это, быть-может, объясняется тем, что он транскрибировал песни, а в поэзии, даже так называемой «народной», полудолгота естественно используется в целях метра.

Обычно же в разговорной речи выделяется только долгое «ā», которое Bergsträsser также определяет, как «закрытое». В османском, как и в других турецких языках, долгота двоякого типа: первичная, унаследованная из общетурецкого праязыка, и вторичная, полученная из стяжения двух гласных или из удлинения гласного в результате утраты смежного с ним согласного (своего рода «заменительное растяжение»). Известно также, что первая — значительно более редкий факт, чем вторая — обычное явление для большинства турецких языков. Для передачи долготы того и другого происхождения «карамалицкий» текст пользуется одним и тем же средством, именно — удвоением соответствующего гласного. Не приводя аналогий из практики не-турецких языков, укажем лишь на то, что в армянско-турецком исчезновении غ вызывающего вторичную долготу, также передается удвоением гласного (Kraelitz, op. cit., p. 6). Эта утрата غ, о которой говорится нами в специальном отделе, служит главной причиной появления вторичной долготы для османского языка вообще и для «карамалицкого» текста — в частности.

аазъ < ā'ыз < аъыз آغيز; †таане < jātā'ыны < јаатағыны ياناغى;
 ааце < ā'ацы < аҗацы آجاي; даатмальсынъ < дā'ытмалысын < даҗытмалы-
 сын طاغتملى سك; даатасынъ < дā'ытасын < даҗытасын طاغتمسك;
 пааé < бајā'a < *бајағы байاغى; †пааданъ < jāpā'ыдан < јапағыдан ياپاغيدن;
 баā < бағ باغ; саā < сā' < сағ صاغ.

Начертания: аалёмъ < عالم передаёт арабскую долготу (= османскую полудолготу), но: алемі عالی.

Кроме того, имеется ряд случаев, где двойное «а» на письме не стоит

в связи с какой-либо вторичной долготой османского оригинала. Сюда входят, таким образом, установленные уже в специальной литературе случаи первичной долготы и случаи, которые имеют долготу по основаниям, пока еще не разъясненным (ср. то же положение в азербайджанской фонетике, Ашмарин, *op. cit.*, стр. 27). В виду того, что вопрос о точном перечне слов, сохранивших первичную долготу, еще не разрешен, мы помещаем вместе всю названную группу на том внешнем основании, что в «карамалицком» тексте они имеют одинаковое начертание.

кааны < kāny *قانى*; аачтьрь < āč-тыр *آچدر*; саалть < sālt *صالت*; аармут < āрмуд(т) *آرمود*; ааша < āша'a *آشاغى*; каазларь < kāzлар *قازلر*; аары < āры *آرى*; ааи < āj *آى*; чаальдыр < чāлы-дыр *چالى در*; атаасънъ < ат-а-сын *آنهسك*.

Начертание паак < pāk *پاك* передает персидскую долготу, т.-е. по Bergsträsser'у, полудолготу османской литературной речи. В саалегину < *صالى كونى* можно было бы видеть отражение арабской долготы, если бы подтвердилась гипотеза В. А. Гордлевского (салы *ḡūnū* < *ثالث كونى*), обоснованная в части «l» (ученое произношение: salī) и встречающая затруднения в части конечного «с».¹

Что касается изменения по количеству, но в обратную сторону, то здесь «карамалицкий» текст отражает факт постепенной редукции неударного «а» в двух его стадиях: замены «а» другим звуком (чаще всего «е») и его полной утраты.

1) *семаъъ < jāšāma'ыз *ياشامايز*; саленасънъ < салāнасын *سالانيسك*; намоза < намāза *نمازه*; осмонлара < осмāнлара *عثمانلاره*; кинорда < кенарда *کنارده*; садуга < садāка *صدقه*; фукералерин < фукараларын *فوقرالرك*.

В шерапъ < *شراب*, может быть, имеем литературное произношение на ряду с народным *шаран*.

2) пазрь гюяџ < пāзър-ḡūnū *پازار كونى*; но: пазарь ѓртесе *پازار ايرتيسى*; криларада < кāрблары-да *قاريلرى ده*; папзларда < пāпāзларда *پاپازلرده*.

Что касается, наконец, случаев соответствия «карамалицкого» «а» общеосманскому (алмак, казанмак, азарламак, афъ ѓтмекъ), то они особых замечаний не вызывают.

§ 2. Гласные «е — ε».

Работы Гоу'я, весьма существенные для турецкого вокализма, установили, в частности, наличие двух типов «е» в турецких языках. Оттенки эти, похороненные арабским прифтом, тем не менее систематически отра-

¹ См. Материалы для османского народного календаря, Живая Старина, 1911 г., стр. 442, прим. 2.

жались в транскрипционных текстах. Последние, будучи приобщены к делу, могли бы служить сильным аргументом в пользу тех, кому приходилось доказывать существование в османском двух «е» — закрытого (e) и открытого (ɛ). Не касаясь здесь интересного и сложного вопроса о соотношении этих «е» в турецких языках, начиная с орхонской традиции, — заметим только, что в настоящее время наличие двух фонем «е» в османском может считаться установленной (Bergsträsser, Kowalski, Räsänen).

«Карамалицкий» текст строго различает эти виды «е», при чем для более широкого употребляется графический символ в виде «а», а для второго — два письменных знака — «е» и «i», что, в свою очередь, указывает на два оттенка в произношении «е» — более открытого и более закрытого. Последний, приближаясь к «i», чередуется с ним, о чем нам придется говорить в соответствующем отделе. Самый широкий вариант «е» — «ä», комбинационно возникающий из «а» при известных фонетических условиях, нами уже был разобран выше при характеристике «карамалицкого «а».

Широкое «е» (т.-е. «ɛ») наш текст отмечает в следующих словах:

иса < iɛ; истерсакъ < iɛтерсɛк; сакъзъ < сɛкiз سکز; тамизъ < тɛмиз تمیز; чихралёрда < чɛhrɛлɛр-де چهره لرده.

Из других диалектов имеем: iɛšil نیشیل (Räsänen, op. cit., p. 6), iɛ,ɛeli•m (ib., p. 7) بيلم, šɛɛ•r (ibidem) < شکر, dɛ,ɛ•n (ib., p. 10) < دهن ~ دين, sɛvɛrsan¹ (ib., p. 35) < سورسەك. Ср. эски-шехирское: сабалтан < سبیدن в м. сѣбѣтѣн (Мартинович, Сказка): см. также: саһар (Гордлевский, Образцы, стр. 156) в м. сɛһɛр < سحر. Последние примеры указывают на то, что качество «е» в одних и тех же словах может изменяться по диалектам. Таким образом, приведенному выше везирханскому iɛšil можно противопоставить македонское iɛšili (Kowalski, Volkslieder, p. 196), нормальному: атеш — кутахийское: атаš (Kowalski, Piosenki, s. 352). В диалектах Худавендгяра и Карамании «ɛ» (у Максимова: «ä») часто вторгается в область «е» (op. cit., стр. 25): эв — äв, гель — гяль (= g'äl). Последняя форма: g'el (а не: g'el) отмечена во всех диалектах Азербайджана.

Случаи с закрытым «е» иллюстрируются следующими примерами:

бешъ < беш بش; семизъ < семиз سەیز; вѣ < ве و; ѣкмекъ < екмек اكمك; ѣнни < јені یکی; гелсънъ < g'elcin گلسون; кедъ < к'еді کدی; ѣдѣръмдà < едѣр-рiм-де آیدرم ده; ѣсьнлѣрь < јесiнлەر یسونلەر; ѣйдер < ејi-дiр ایودر; ѣртесе < ертеси آیرتهسی; ѣнксѣрь < ексер اکسر; ѣтсънъ < етсiн آیتسون; вереръ <

¹ В диалекте Ризе Räsänen (p. 35) дает форму: e'vam. В этих диалектах «гutturальные» формы условных аффиксов вызваны, очевидно, армянской языковой подпочвой, чего о «карамалицком» тексте а priori сказать нельзя; поэтому «иса» и др. мы рассматриваем как приближенную передачу «iɛ» в виду отсутствия особого знака для «ɛ».

верір *ویرر*; гетерсьнде < г'етірсін-де *دە گەتەرسەن*; кендеме < к'ендіме *کەندیمە*; ёпсьндёнъ < һепсінден *هەپسەندن*; ёкмишъ < екмиш *ەکمەش*; ёркек < еркек *ەرکەک*; гене < јене ~ јіне ~ г'іне *جەنە*; ёсьль < јешіл *جەشیل* (в диалектах: *jeshil*).¹

Примеры из других диалектов: македонское *měše* (Kowalski, Volkslieder, p. 202) ≠ азерб. *mешä, iëdi* (ib., p. 192), *g'ëžemi* (ib., p. 188), *ëttin* (ib. p. 174), *dëjelim* (ib., p. 174), *jërlere* (ib., p. 176); формы из Ада-кале: *dej1* (ор. cit., p. 8), *dejldir* (ib., p. 42), эски-шехирские: *демăк, вер* (Мартинович, Сказка).

В следующих «карамалицких» примерах закрытое «е» изображается через «и»:

икерлеръ < ёк'ерлер *ەکرلەر*; кимиклери < к'еміклери *کەمیکلەری*; гитердъръ < г'етірүр ≠ лит. *г'етірір* *گەتیرر*.

Такое явление не единично: есть ряд диалектов, где на месте литературного «е» (закрытого) последовательно или спорадически встречается «і». Ср. трапезунтские и эрзерумские формы: *virsem* (Räsänen, ор. cit., p. 43) ≠ лит. *вёр-сем, dimezdım* (ibidem) ≠ лит. *дёмездім, idin* (ibidem) ≠ лит. *ёдін*, особенно после «j (i)»: *jitene* (ib., p. 39) ≠ лит. *јетене, jıjejim* (ib., стр. 38) ≠ лит. *јејејім*; эски-шехирские: *itmäjä* (Мартинович, Сказка) ≠ лит. *ётмеје, dijä* (ibid.) ≠ *дэјä*; кутахийское: *fisini* (Kowalski, Piosenki, 346) ≠ лит. *фесіні* (слово не турецкое); сивасское: *imeklerim* (Гордлевский, Образцы, стр. 140) ≠ лит. *ёмеклерім*; румелийские: *dijirmen* (Kúnos, Rum., 71) ≠ лит. *дэјірмен, dijen* (ibidem, 76) ≠ лит. *дејен, dejneksiz* (ib., 78) ≠ лит. *дејнексіз*; вульгарное: *jitirdi* (Bonelli, Volg., p. 104) ≠ лит. *јетірді*; *virip* (Гордлевский, Образцы, 4) ≠ лит. *верір*. В айдынском диалекте «ё» после «j» обычно переходит в «і». (Aid. Tk. 183-4).² Корни *id-* (делать), *vir-* (давать), *ji-* (кушать, есть) и *jiğ* (земля) в айдынском и кастамунийском существуют только с «і» (Foу, Aid. Tk. 306). Это чередование, на которое было обращено внимание еще у Meninski (*g'iğe* — p. 99, *iderüski* — p. 102, *wire* — p. 103, *didiler* — p. 103), обстоятельно разъяснено Foу'ем в его монографии «*Türkische Vokalstudien*». Исходя из старо-турецкого различия «е» и «ё», он устанавливает для южно-турецкой группы дифференциацию «і — ё (ej) — е» (в азербайджанском еще «ä»), при чем в некоторых диалектах возможны фонетические дублеты. Борьба старого «і» с «е» характерна для османского языка; в Константинополе и Румелии сравнительно недавно победило второе (за

¹ Наличие узкого «е» в этих формах легко обнаружится, если сопоставить их с теми же словами в поволжско-татарском или других языках, где произошло передвижение «ё → і».

² В азербайджанском «ä > е» после «j» (Ашмарин, ор. cit., стр. 26).

исключением корня «i» и слов «idi» и «iki»). На ряду с возможным параллелизмом в употреблении «e» и «i» (корни: in || en, jine || jene), есть случаи, где возможно только «e» (op. cit., p. 212).

Эти наблюдения согласуются с новейшей формулировкой Bergsträsser'a (op. cit., p. 239), который различает три типа «e» краткого: «offenes» (типа англ. let) «besonders offenes» (в открытом слоге: -e, -de, перед «n», «t» и «h») и «geschlossenenes» перед «j» и в словах типа «gëgë»), которое чередуются с «i»: *sajii alinizde* سایه علیکزده. Кроме того, Bergsträsser устанавливает два типа долгих «e» (т.-е. «ē»), в «карамалицком» тексте внешне не различаемых, именно: закрытое «ē» из стяжения «ej» и открытое «ē» из стяжения «eh»: *Mēmed* < *Mehmed*. «Карамалицкая» форма: *нёрде* отражает редукцию краткого безударного «e» (< *нёрде*), что обычно в живой речи, ср. *Kúnos, Ada-kale: içerden* (p. 27) < *içeriden*, *hazne* (p. 43) < *hazine*; Kowalski, Piosenki, s. 355: *qum⁽ⁱ⁾ser* < *qumiser*.

§ 3. Гласный «ы».

Различные отражения «ы», которые находим в «карамалицком» тексте¹ и которые легко систематизируются по группам, указывают тем самым на различные нюансы в артикуляции этого османского звука. И действительно: различные виды «ы», неоднократно выступавшие в фонетических записях, находят себе подтверждение в обзорах чисто теоретического характера. В основной работе Bergsträsser'a (p. 242) различаются: 1) «dumpfes ы» при велярном «t (= л)», как *qulmaq, ačylyr*, при *ğ (aldyy)* и во многих словах с «n» (*aqşamun, dalgalarun*) и «z» (*qyz, jyldyz*); звучит это «dumpfes y» в общем на манер «ö», и 2) ряд «hellere» «ы», склонных к «e» и доходящих почти до «i»; их несколько, и они, по заявлению автора, плохо поддаются классификации. Весьма важно также качество слога, в котором находится «ы»: в открытом оно «e-ähnlicher», чем в закрытом. Интересно специальное указание автора на то, что артикуляция османского (и турецкого) «ы» вообще отлична от русского.²

Kowalski в своих работах (*Volkslieder* и др.) отмечает наличие «ы» (= y) и переходного звука, близкого к ненапряженному «i», который он обозначает, как «i» (это один из категории «hellere» по Bergsträsser'у). Равным образом для азербайджанского языка (нухинский говор) Ашмарин

¹ Еще сложнее обстоит дело в боснийских говорах, где Влаи отмечает шесть способов передачи «ы» (a, e, è, i, o, y) — op. cit., p. 20.

² На это указывал еще В. В. Радлов; приходилось говорить об этом и в педагогической литературе: ср. С. К. Церуниан, *Курс османских разговоров*, т. I, М. 1924, стр. 411. См. ДАН-В, 1927, стр. 211 прим.

(ор. cit., стр. 14-15) устанавливает «ы», краткое и долгое, и «ы¹», звук переходного типа. В сербских турцизмах, при нормальной передаче «ы» как «и» (кызлар, камипш), восточные диалекты (северно-тимокский) пользуются знаком «ь» (как для переднего гласного неполного образования).

В «карамалицком» тексте «ы» обозначается не только буквой «е» (это «hellereš y» Bergsträsser'a и образования по аналогии с ним) или «ь» (это «dumpfeš y» Bergsträsser'a, слегка редуцированное перед звонкими согласными); третий тип — ы = и — может быть сопоставлен с «i» Kowalski (это «ы», склонное к «i» после «j», «p'» и аналогии к ним).¹ Следует оговориться, что точного распределения всех соответствующих «карамалицких» слов на три разряда провести нельзя: этому препятствуют не только начертания по аналогии, но и непоследовательность автора текста или его переписчика. Данные османских диалектов также весьма разноречивы в вопросе об «ы».

ы = е.

алерсьнь < алырсын; калдерерь < калдырыр; кашекларе < кашыклары; качерер < качырыр; калерь < калыр; сетма < сытма ~ ысытма; ёсергань < ысырган; чекажакъ < чыкаџак; кыстракларе < кыстраклары; катерларе < катырлары; ашрдерларь < а'ыр-дырлар; кыштер < кыш-тыр; саале < салы; вардерь < вардыр; татле < татлы; сежакъ < сыџак; башьне < башыны; ааде < а'аџы; чекартера < чыкартыра; џпищерасьнь < џпыштырасын; чексьнлерь < чыксынлар; лакардеда < лакырды-да; чалешасьн < чалышасын; бичактерь < бычак-тыр; тернакларь < тырнаклары; юканер < јуканыр ~ јыјканыр; керештурасьнь < карыштырасьнь.

Что «е» является реальным пределом в изменении «ы», а не случайным графическим символом, — явствует из фонетических записей по диалектам, по крайней мере — некоторым. Отметим кашкайское: чехър² (при чыхтым) у А. А. Ромаскевича (ор. cit.), остановимся на трапезунтских формах, приведенных у Räsänen'a (ор. cit., р. 37-8 и 42): јапракларе ≠ осм. лит. јапраклары, саге ≠ лит. сары, dallare ≠ лит. доллары, k'ollare ≠ лит. коллары, gızlagen ≠ лит. кызлары, gızlare ≠ лит. кызлары; ot'uralem ≠ лит. отуралым, duralem ≠ лит. дуралым. В армянско-турецком знак Է (тип «ы») чередуется на письме с «е» и обратно (Kraeletz, ор. cit., р. 27).

Следует заметить, что при сдвиге артикуляции назад «ы» создает акустический эффект глухого «а». В качестве общего правила это явление

¹ Попутно отметим весьма разнообразное изображение «ы» в русской письменности (= ы, и, е, а); см. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, стр. 47.

² Тот же корень у Räsänen'a (р. 14): џека.гim.

отмечает Kowalski для говора Кутахии (Piosenki, p. 345): *astalar* < астылар, *saraldy* < сарылды, *jaraldy* < жарылды; на стр. 354 указано, что в *bastylar*, *astylar* и *qaştylar* звук «у» — средний между «ы» и «а». Тяготение общетурецкого «ы» к закрытому «а», указанное и В. В. Радловым в его «Phonetik», не чуждо и османскому литературному произношению: так, В. А. Гордлевский всюду транскрибирует слова *باياغى*, *آشاغى*, *بو يون باغى* и т. д., как *аша'а*, *баја'а*, *бојун ба'а*; ср. у него же: *бардаа* *بارداغى* (Образцы, стр. 49 и 50); ср. также *jar'гаа* (Räsänen, p. 13) и «карамалицкие» аккузативы: *ўтлара*, *адама*, *феналара*.

ы = ь

алерсьнь < *алырсын*; *йолдъзлари* < *йылдызлары*; *чыкармышь* < *чыкармыш*¹ ~ *чыкармыш*; *ёланбалькъ* < *йыланбалык*; *кыккормъзе* < *кып кырмызы*; *бáзьсе* < *ба'зысы* *بعضيسى*; *даргън* < *даргын*; *кыстракларè* < *кыстраклары*; *фкышьрь* < *якышыр* ~ *якышыр*; *фсьташь* < *ясы таш* ~ *ясы таш*; *башьнè* < *башыны*; *калдырьрь* < *калдырыр*; *онарьнь* < *онарын* < *онларын*; *акьль* < *акыл*; *алмасьнлèрь* < *алмасынлар*; *кыштерь* < *кыш-тыр*; *дурурьсьнь* < *дурурсын* ~ *дурурсун*; *кырлангъч* < *кырлангыч*; *вакьтъ* < *вакыт*; *сатьнь* < *сатын*; *алсьнларь* < *алсынлар*; *бабрьлар* < *ба'ырырлар*; *куртулальмь* < *куртулалым*; *карьлерьн* < *карыларын*; *чексьнмер* < *чыксынлар*; ¹ *чыкарьр* < *чыкарыр*; *кьльчъ* < *кылыч*; *чалешасьн* < *чалышасын* *چاليشهسك*; *ськи* < *сыкы*.

Слова типа: *бáзьсе*, *башьнè*, *кыккормъзе*, *акьль* и т. д. помогают установить принципиальную разницу между «ы = е» и «ы = ь»: «ы = ь» более кратко (редуцировано) и находится преимущественно в закрытых и неударных слогах. Как уже было сказано, строгого разграничения в этом смысле «карамалицкая» орфография однако не дает.

ы = и.

кари < *кары*; *тернакларè* < *тырнаклары*; *аий* < *ајы*; *хїардан* < *хыјардан*; *йкѡпаксьн* < *йыјкајацаксьн*; *каикта* < *кајыкта*; *ачикъ* < *ачык*; *чыкармышь* < *чыкармыш*; *чїктим* < *чїктым* ~ *чыктым*; ¹ *ислатаймь* < *ыслатајым*; *ськè* < *сыкы*; *бичактерь* < *бычак-тыр*; *калкасін* < *калкасын* *قالقهسك*; *калкмишимь* < *калкмышым*; *шашмишимь* < *шашмышым*; *тўтмишта* < *тутмышта* < *тутмуш-та*.

¹ Обычное начертание: *чык-*, *чыкар-* не передает тех случаев, где под влиянием палатализованного «ч» имеем: *чїк-*, *чїкар*: Räsänen, op. cit., p. 52 (*čikamam*), Kowalski, Volkslieder, p. 206 (*čikara*), 210 (*čikaran*), Гордлевский, Образцы (passim).

Из этих примеров наличие «и», т.-е. переходного звука между «и» и «ы» (= *i* у Kowalski), фонетически объясняется в слогах с «*j*», «*r'*» (см. в отделе «*p*») и «*l*»; для остальных примеров можно только привести сопоставления из диалектов, где встречается «*i* < ы» в широких размерах. Примеры на «*ы* > *i*» после палатализованного «*p*»: в северо-анатолийских диалектах: *sašlari* (Räsänen, op. cit., p. 44) ≠ лит. *сачлары*, *šalvari* (ib., p. 48) ≠ лит. *шелвары*, *važaklari* (ib., p. 50) ≠ лит. *бацаклары*, *ajlari* (ib., p. 54) ≠ лит. *ажлары*, *gizlari* (ib., p. 54) ≠ лит. *кызлары*, *dışari* (ib., p. 54) ≠ лит. *дышары*, *kari* (ib., p. 41) ≠ лит. *кары*, *odunlari* (ib., p. 46) ≠ лит. *одунлары*, *kıllari* (ib., p. 43) ≠ лит. *кылылары*; не в открытом конечном слоге: *jarime* (но: *jarim*) (ib., p. 43) = *يارمه*. Ср. также конийские формы: *jari*, *jarime*, *hajgimi*.¹ Интересно добавить, что подобные случаи были известны еще из Meninski (op. cit.): *anlari* (p. 103, 120, 137), *mektublari* (110), *jarinda* (119), *baris* (125), *budaklari* (139), *sazlari* (146).

Примеры на «*ы* > *i*» после «*l*»: македонские: *ořalim* (Kowalski, Volkslieder, p. 176), *řagalı* (ib., p. 196) ≠ лит. *јаралы*, *buralı* (ib., стр. 196) ≠ лит. *буралы*, *sarıřalim* (ib., p. 171) ≠ лит. *сарылалым*, *řatalim* (ibidem) ≠ лит. *јаталым*; трапезунтские: *sevđalimisun* (Räsänen, op. cit., p. 53) ≠ лит. *севдалы-мы-сын*, *meraklı* (op. cit., p. 53) ≠ лит. *мераклы*, *dalı* (ib., p. 54) ≠ лит. *далы*, *dalimusun* (ib., p. 53) ≠ лит. *далы-мы-сын*, *rahalı* (ib., p. 48) ≠ лит. *беһалы* ≠ разгов. *паһалы*, *řanaklı* (ib., p. 44) ≠ лит. *јанаклы*; ср. также вульгарно-османское: *qavgulıjoruz* и др. (Bonelli, Volg., p. 317) ≠ *qavgulıjoruz* ≠ лит. *каврулујоруз*. По аналогии азербайджанского языка, где имеется не только «*л*» и «*l*», но и средний между ними звук — «*λ*», по обозначению Ашмарина (op. cit., стр. 22), — можно было бы предположить появление подобного же звука в османских диалектах и в результате — «*ы* > *i*», но о существовании «*λ*» в османском источнике молчат.²

Кроме того, диалекты содержат ряд слов, где вместо «*ы*» стоит «*i*» в разнообразных фонетических положениях: ср. конийские (по Giese): *atdıřını* ≠ лит. *атты'ыны*, *duřmalııı* ≠ лит. *душманыны*, *řařkin* ≠ лит. *шашкын*, *oturajım-mı* ≠ лит. *отурајым-мы*, *vardım* ≠ лит. *вардым*, *atımiıı* ≠ лит. *атымын*, *barmaqısız* ≠ лит. *пармаксыз*, *ařalarım* ≠ лит. *а'аларым*, *duřmani* ≠ лит. *душманы*; вульгарно-османское: *qajeđđı* (Bonelli,

¹ Ср. еще румелийское: *arıřor* (Kúнов, Rum, p. 69) и вульгарно-османское: *oturıřorısa* (Bonelli, Volg., 317).

² В приведенных выше примерах существенную роль, повидимому, играет положение «*ы*» в конечном открытом слоге. Это подтверждается наблюдениями Ашмарина для азербайджанского яз. (op. cit., стр. 28). О случаях «*ы* > *i*» в нухинском Anlaut'e см. ib., стр. 27.

Volg., p. 311) ≠ лит. kajыкчы; македонские формы: varmadinmi¹ (Kowalski, Volkslieder, p. 176) ≠ лит. вармадын-мы, kizi (ib., p. 172) ≠ лит. кызы, sašlarini (ibidem) ≠ лит. сачларыны, jazik (ib., p. 184) ≠ лит. jазык, ołmiš (ib., p. 182) < ołmiš ≠ лит. олмуш, varmiš (ib., p. 216) ≠ лит. вармыш, urmišler (ib., p. 216) < урмышлар ≠ лит. вурмушлар; форма из Адакале (Kúnos, op. cit., p. 70): ferjadi ≠ лит. феряды; формы из северо-восточных диалектов (Эрзерум, Трапезунт): k'irmizi (Räsänen, op. cit., p. 17) ≠ лит. кырмызы, sarilalum (ibidem) ≠ лит. сарылалым, k'izi (ib.) ≠ лит. кызы, k'izlar (ib., p. 35) ≠ лит. кызлар, baši (ib., p. 50) ≠ лит. башы, kuŷaŷine (ib., p. 43) ≠ лит. куѷа'ына, ark'asinnan (ib., p. 44) ≠ аркасындан, ŷanini (ibidem) ≠ лит. ѷаныны, ğirmizi (ibidem) ≠ лит. кырмызы, ati (ib., p. 45) ≠ лит. аты, ğiz (ibidem) ≠ лит. кыз, vašimi (ib.: p. 45) ≠ лит. бапшымы, ğanima (ib., p. 46) ≠ лит. ѷаныма, k'apisinda (ibidem) ≠ лит. капысында < калусунда. (Тип: капы < капу, представляющий переход старосманского ряда гласных «а — у > а — ы», разобран у Фоу'я (Aid. Тк., 187). Meninski (op. cit.) отметил для своего времени такие формы: oghlani (p. 117), ojuni (p. 99). Фоу (Azerb. St. 173) объясняет «ы > і» у турок Болгарии и Крита влиянием местных не-турецких языков.

Для диалекта Ризе тексты Räsänen'a устанавливают «ы» и «и»; последнее находится в чередовании с «і». Ср. dergimışn (op. cit., p. 21) ≠ лит. дер-мі-син, d'irsmn (ibidem) ≠ лит. ğirsin, ğermişn (ibidem) ≠ лит. ğер-мі-син, vadelerimşz (ib., 22) ≠ лит. ва'делериміз, birimşz (ib., p. 22) ≠ лит. біриміз, ğandırdım (ib., стр. 23) ≠ лит. ѷандырдым.

§ 4. Гласный «і».

Кроме передачи «і» через «карамалицкое» «и», мы встречаем в нашем тексте случаи графической замены «і» через «е», «ь» и др. Так как разница в начертаниях, поскольку она становится систематической, говорит о различных нюансах в произношении «і», мы приведем сначала ту характеристику, которую Bergsträsser дает этому звуку в современном константинопольском говоре. Он отличает обычное «і» ударных слогов от «das engste» «і» (перед «п», «j» и в приставке «miz») и широкого «і» в неударных слогах (idi, gibi, -mi); особняком стоит полудолгое «і» — отражение арабской и персидской долготы (qalil, ümid). Широкое «і», акустически близкое к узкому «е», в «карамалицком» письме смешивается с «е», особенно, если речь идет о неударном слоге (открытом и закрытом).

¹ Частица -mi не подчиняется сингармонизму: у Бартоломея Георгиевича (ДАН-В, 1926, 101), Meninski (op. cit. jokmi, soukmidür, anlamazmisyň), Räsänen'a (tašmaz-mi — 46), в транскрипции ангорских греков βδκϷφ ὀλτδνϷζ μι = (وقوف اولدکز می).

гедер ≠ осм. лит. г'ідер;¹ верелеръ ≠ осм. лит. верірлер;² ёрмі ≠ осм. лит. јірмі; кендеме ≠ осм. лит. кендіме; деренлере ≠ осм. лит. дерінлере; чечекларе ≠ осм. лит. чічеклері; безъм ≠ осм. лит. бізім (диалект. бізүм); кечелары ≠ осм. лит. к'ечілері; севенерлеръ ≠ осм. лит. севінірлер; беенерлеръ ≠ осм. лит. бејенірлер; шимде (и шимда) ≠ лит. шімді; гејнмекъ ≠ лит. гіјнмек; кеневерденда ≠ лит. кеневірден-де; чебанъ ≠ лит. чібан.

О смешении на письме «е» и «і» говорит Blau (25); ср. также отдельные примеры чередования «è||і» из диалектов: македонское belezlik (Kowalski, Volkslieder, p. 202) < білезік, азербайджанское и айдынское: hëç, ëšit (Foу, Aid. Тк. p. 184), формы из Ада-кале (Kúnos, op. cit.): zere (ст. 35) ≠ лит. зіра, pejet (4) ≠ лит. піјет, ehtijar (2) ≠ ihtijar; hecap (Гордлевский, Образцы, 46) ≠ лит. hіcap, веран, (ib., стр. 116) ≠ лит. віран, сивасское: ejлерсез (ib., стр. 135) < ejлер-сіз ≠ лит. ejлерсініз. В армянско-турецком (Kraelitz, op. cit., p. 25—26) «е» и «і» чередуются: репçіге, ріға, но dejerмен, resale رساله). Греческая передача (Huart, op. cit., p. 463) описывает неударное «і» через «ε»: χεχμετλοῦ ≠ осм. лит. hікмет-лу > hікмет-лі, χεχμετναμὲ ≠ осм. лит. hікметнаме. Турецкое издание خلیات дает в одном «мани» (№ 344, стр. 175) параллельные написания: نیده یم и نهده یم.³

Неударное полудолгое «і» спорадически дает в диалектах «ej» bej-hudè (Kúnos, Ada-kale, p. 64) ≠ лит. бі-һуде; ср. в турецком начертании (د. غ., стр. 65): بیهوده из بیهوده и بیهوش из بیهوش.

Начертания: ёртесè < ертесі и танесè < танесі изображают посредством «е» ударное открытое «і» современного литературного языка. В виду отсутствия аналогичных примеров трудно сказать, имеет ли эта орфография за собой какое-либо фонетическое основание; быть может, этим хотели оттенить «твердость» предшествующего «с» (-с'і), что акустически давало почти эффект «сы», а «ы» часто изображалось через «е».

Меняя нюансы, «і» могло переходить в промежуточный гласный по линии «і — ү» и по линии «і — ы» (в последнем случае, между «і» и «ы» было несколько переходных звуков, о чем см. в отделе «ы»). Явления

¹ Ср. однако азербайджанскую форму: гедар, а также у Бартоломея Георгиевича (ДАН-В, 1926, стр. 101), и айдынскую (Foу, Aid. Тк. p. 184); у Гордлевского (Образцы) встречаются: гетті (148), гетменіз (146), гедерім (140).

² «Карамалицкое» начертание: вереръ < верір является изолированным.

³ В Боснии и сербских турцизмах засвидетельствована туркологически трудно объяснимая форма: берикет (берихет) < берик'ет. Но сербская диалектология дает здесь объяснение (e>i перед к'(h)).

первого ряда были реже, и «карамалицкий» текст не дает на них непосредственных указаний; ср. у Meninski (op. cit., p. 142): *bürader* < бирадер (в зависимости от начального «б»), *mümkün* (Kúnos, Ada-kale > мүмкін (прогрессивная ассимиляция гласных). В северно-анатолийских диалектах вплоть до Батума замечается замена аффиксального «і» огубленным гласным «у» (меме-су вм. ме́ме-сі и т. д.), но здесь мы, вероятно, имеем дело с узаконенными в языке аналогическими образованиями очень старой эпохи, а не с мотивированным фонетическим переходом.¹ Иное дело представляет собой отмеченная Räsänen'ом для Трапезунта форма *čimēninde* (op. cit., p. 44) < čimēninde, где можно говорить о ретроспективном действии губного «m».

Изменение «і» в сторону «ы» отмечено у Räsänen'a для северно-анатолийских диалектов: ср. *sevdišim* (ib., p. 23) ≠ лит. *sevdišim* (< *sevdiš'im*), *d'idelišim* (ib., p. 23) ≠ лит. *gidelišim*, *idim* (ib. p. 25) ≠ лит. *idim*, *eridim* (ibidem) ≠ лит. *eridim*, *verelišim* (ib., p. 25) ≠ лит. *verelišim*, *d'ittim* (ib., p. 30) ≠ лит. *gittim*, *d'eldim* (ibidem) ≠ лит. *geldim*, *desim* (ib., p. 131) ≠ лит. *desim*, *senim* (ibidem) ≠ лит. *senim*.

В «карамалицком» тексте литературному «і» в закрытом слоге часто соответствуют начертания с «ь», одним из графических символов «ы». Сюда относятся:

ётсьнь ≠ осм. лит. *etsin* ایتسون; коиверсьнлёрь ≠ осм. лит. *kojversinler*; ёпсьндень ≠ осм. лит. *hepsinden*; ёдерьмдà ≠ осм. лит. *ederim-de*; битиресьнде ≠ осм. лит. *bitiresin-de* ده بیتیرهسك; ёсьнлёрь ≠ осм. лит. *jesinler* یسونلر; истерьм ≠ осм. лит. *isterim*; ничьн ≠ осм. лит. *nicin* نیچون; леакьмь ≠ осм. лит. *lakim* (диал. *lakim*); ёмышлере ≠ осм. лит. *jemisler*; куветьн ≠ осм. лит. *kuvetin*; ексьнлёрь ≠ осм. лит. *eksinler* اکسونلر; ётмыш ≠ осм. лит. *etmis*.

§ 5. Гласный «о».

Для обозначения «о» «карамалицкий» текст пользуется двумя знаками: обычным «о» и «ω»; последнее является особенностью славянской орфографии.

1) о = ω:

ωкарі < жокары یوقاری; ωрманда < орманда اورمانده; ωвада < овада اووده; ωнлардан < онлардан اولاردان.

¹ Ср. у Räsänen'a: *verdun* (op. cit., p. 33) < *verdun* ≠ лит. *verdin*, *severum* (ibid.) ≠ лит. *severim*, *Gittum* (ib., p. 38) ≠ лит. *gittim*. Известно также, что в старо-османском языке была особая предилекция к губным гласным в аффиксах, сказавшаяся на правописании аффикса *لو* в окаменелых образованиях, и т. д.

Как видно, знак «ω» (= o) употребляется только в первом слоге,¹ как это бывает в большинстве османских диалектов. По примеру славянских солунских говоров, «ω» здесь могло бы означать неударное закрытое «o», близкое к «o^y».

2) o = o:

онун < онун **اونك**; отерѣрь < отурур **اوپورر**.

Bergsträsser в своем фонетическом очерке (р. 243) устанавливает два типа константинопольского «o»: открытое, близкое к фр. *mort* (olan **اوغلان**) и закрытое, как нем. *phonetisch*, но с большим огублением (**یوقاری**); последнее встречается редко и, между прочим, употребляется вместо арабского «u» (*noqta, doa* < **دعا**). «Карамалицкий» текст не дает нам критерия для различия этих двух оттенков «o», но зато он последовательно выделяет случаи, в которых «o» чередуется с «y» и которые, может быть, имели «o» особого оттенка. В «карамалицком» тексте мы имеем такое соотношение, что известной категории слов с «карамалицким» «y» соответствует османское литературное «o».²

y = лит. o:

дѣлѣ < долу **دولو** ~ **طولو**; юктерь < jоктур **یوقدر**; юкары < jокары **یوقاری**; ѣдѣларі < одулары **اودونلری**; бузаѣакларь < бозаѣаклар **بوزهچقار**; оудѣнь < одун **اودون**; юртѣларда < jортуларда **يورطيلرده**; чѣцѣклерѣнь < чоцукларын **چوجوقلارك**; гюргананеда < jорганыны-да **يورغانكى ده**; чѣжѣкъ < чоцук **چوجوق**; кѣмальсьнь < комалы-сын **قوملى سىك**

Чередование «o || y», являясь отличительным признаком многих диалектов, создает очень пеструю картину даже в пределах литературного языка. Естественно, что на эту особенность уже давно было указано теоретиками. Приводимое у Meninski (op. cit., p. 144) *osanür* **اوصانوب** в настоящее время произносится «усанып». Из отклонений в сторону «o» отметим у Jacob'a (Vulg. Tk., p. 720) кесарийское *artoç* при *artuç* < **آرتق**, конийское *joç-tor* < лит. **یوقدر**, ангорские *borada* < лит. бурада, *ofağyk* < лит. уфáдык, *alor* < лит. алып (через ступень *алуп). Подобные формы типичны для айдынского говора, обследованного Foу'ем; здесь «o» в I слоге соответствует румелийскому «o» или «y» (*ol* ≠ *ol*, но *bonnary* ≠ *bunlary*), а «o» в следующих слогах — румелийскому «y» (*boldoγo* ≠ *buldu'u*). См. Aid. Tk., p. 178-9. О дифференциации османского и азербайджанского «o» см. Foу, Azerb. St., p. 185. См. также Deny, § 41. Помимо чередующихся «o» и «y» Ашмарин отмечает в азербайджанском особую переходную фо-

¹ Но: хорw'с.

² Считая за исходный пункт фонетику литературного языка, мы рассматриваем группу с «o» (< «y») в отделе «y».

нему «оʹ», возникающую из «б» (op. cit., стр. 31). Для боснийских говоров появление «о» вм. «у» отмечено у Blau (p. 21). В сербских турцизмах имеем: зорна ≠ лит. зурна, хожесть ≠ лит. *حجت*, ћелепош < лит. келлепуш *کلهپوش*. По диалектам спорадически отмечено: осандым (Гордлевский, Образцы, стр. 117, 160) < лит. усандым, доалар (ib. 140) < лит. дуʹалар *دعالر* (ср. выше указание Bergsträsserʹa), конийское: човалдуз < лит. чувалдуз *چوالدوز* (Гордлевский, Османские сказки, 1, прим. 1).

Обратная тенденция проявляется в караманском говоре, где «о > у» — частое явление (Максимов, op. cit., стр. 31-2), в говоре Эски-шехира: улан < *اوغلان* (Мартинович, Сказка), в Кастамуни: uturmak вм. oturmak (Thury, op. cit., p. 10), в Сивасе: уурајасын вм. оурајасын (Гордлевский, Образцы, стр. 79, прим. 2) и уур *اوغور* (ib. 129), в Измиде: бујнузлары вм. бојнузлары (ib., стр. 152), в армянско-турецком, где «о > у» (sufra, bujnuz) чаще, чем «у > о» *oujandərmak* *اویاندرمق* — см. Kraelitz, стр. 26—27 — и в сербских турцизмах (угурсуз, тулум). В Ada-kale Кунош отметил единичный, но систематически повторяющийся факт: јек вм. јок *یوق* (стр. 2, 50 и др.).

§ 6. Гласный «у».

В константинопольском произношении Bergsträsser (op. cit., p. 243) различает ударное «у» (нем. Hund) от неударного (нем. musikalisch), т.-е. с меньшим раскрытием рта и меньшим расстоянием языка от нёба и более сильным огублением. Пример на оба «у» удачно подобран им в слове «випі».

Из «карамалицкого» текста, равно как и из других источников следует, что неударное «у», находясь в I-ом слого слова, стремится к редукции по качеству, а, находясь непосредственно перед ударением, — к «фонетическому нулю», т.-е. полному исчезновению. Примеры на редуцированное «у»: *ѐмѣрта* < *јемурта* < *јумурта* *يومورطه*; *имѣшак* < *јумушак*.

В первом случае происходила контаминация с глаголом *چاک*, что создало довольно распространенную народную этимологию,¹ между прочим, отмеченную в Крыму (Chatskaуa, op. cit., p. 344 и 366); во втором — редукция была подкреплена действием «ј» на гласный «у», который перешел в «и», очевидно, через ступень «ѷ». В азербайджанском языке также наблюдается редукция «у», в результате чего возникает особый звук, обозначаемый Ашмариным через «ѷ» (op. cit., p. 16); тот же процесс в армянско-турецком описан у Kraelitzʹa (op. cit., p. 28-9). Следующая степень редукции «у», т.-е. полное его исчезновение, представлена в «карамалицком» тексте так:

¹ Ср. Räsänen, op. cit., p. 179.

тʻгтурь < тутӱлур *طونلور*; омжунда < омӱзунда *اومزندہ*.

Форма юмʻрʻклен ≠ *јумрук-ла* *بومروقلہ*, наоборот, архаичнее современной османской тем, что сохраняет «у» второго слога от начала.

«Губное притяжение» в «карамалицком» диалекте соблюдается слабее, чем в османском литературном языке. Поэтому приставки первой и второй степени *вм.* ожидаемого по схеме «у» имеют переходный звук типа «у — ы» (ср. Bergsträsser, p. 244: ¹ *olujor*, *açylsun* и т. д.), который на письме («карамалицком») изображается непоследовательно: чаще как «ы», иногда — как «е». Некоторые грамматики (G. Weil и др.) склонны признать это нормальным и для литературного языка.

Примеры:

олмышь < олмыш ≠ лит. олмуш; бʻленʻрсьнь < булынурсын ≠ лит. булунурсун; корсьнь < корсын ≠ лит. корсун; дурмышь < дурмыш ≠ лит. дурмуш; бʻленʻрем < булынурым ≠ лит. булунурум; бозелурсьн < бозылурсьн ≠ лит. бозулурсун; бʻлʻнмшм < булунмышым ≠ лит. булунмушум.

В этих сопоставлениях мы вводим формы типа «олмыш» на том основании, что они засвидетельствованы в вульгарной речи и диалектах и являются реальной величиной в османской фонетике. Появление звука, среднего между «у» и «ы» распространяется и на корни; в частности таким образом подрывается старо-османский тип слова с гласными «а — у» («капу» и др.), где негубной гласный корня ассимилирует себе гласный следующего слога. Особенно обычно это явление, проникшее и в литературную речь (ср. дублетные образования типа «капы»), в диалекте Карамании: чамыр < *چامور*, армыд < *آرمود*, алтын < *التون* (в литературном: алтун и алтын), табыт < *تابوت*, самыр < *سمور*, цамыз < *جاموس* ² (Максимов, *op. cit.*, стр. 34). В армянско-турецком спорадически: «у» выступает вместо «ы» и обратно: «у» > «ы»: *oketak* *اوقومق*, но *buçak* *بيچاق* (Kraelitz, *op. cit.*, p. 27). Это указывает на такое сближение в артикуляции двух звуков, что сделалась возможной произвольная замена одного другим. Ср. также Räsänen (p. 13): *olmĭ·š* < *اولمش*; для македонских говоров — Kowalski: *sistiraŕim* (Volklieder, p. 200) < *susturaŕim*, *tabudĭmi* (ib., p. 206) < *tabudumu*. Диалекты, испытавшие на себе армянское влияние (Ризе, Эрзерум), часто употребляют «у» *вм.* нормального «ы» (см. немного выше об армянско-турецком): *a,ĭaunda* (Räsänen, p. 140) < *اياغنده*, *alanun* (ibid.) < *الانك*, *bu,ĭukli* < *biyĭqĭi* (ib., стр. 141).

¹ Ср. в азербайджанском языке близкий звук, который Ашмарин обозначает, как *y*¹ (стр. 16).

² Как видно из перечня, это положение распространяется и на заимствованные слова.

Имеются в «карамалицком» тексте и обратные случаи — замена неударного «у» через «о» в духе формулы Bergsträsser'a (см. его описание неударного «у» в отделе «у») или айдынской фонетики (см. там же):

боидаи < *буйдај ≠ лит. бӯ'дај بغدادی; докосьларь < докусьларь ≠ лит. докусунлар طوقسونلار.

Начертание: к88м < кум при наличии параллельных случаев могло бы говорить о передаче долгого «у», т.-е. «ū».

§ 7. Гласный «ö».

Bergsträsser (стр. 243) различает два типа «ö»: одно, как в слове göz, близкое к немецком Götter, другое — как фр. seul — в слове öpünde. Точного разграничения между ними Bergsträsser не делает, указывая, что критерием здесь может служить не ударение, а соответствующее окружение согласных. Транскрипционные тексты обычно не содержат указаний на подобное различие, но зато они отражают различные моменты дивергенции «ö», что, таким образом, указывает на различные оттенки этого звука. Прежде чем перейти к этому вопросу, отметим то, что в «карамалицком» тексте, как и вообще славянских транскрипционных текстах, гласный «ö» ближе всего может быть передан посредством «о».

ö = о:

ω8лэ < öjle اويله; боелеледа < böjle-де ده بويله; бωилэ < böjle بويله; сωилемиш < сöjlemiš سويلمش; гомлекта < г'öмлекте كوملكنده; дортъ < дөрт درت; ѡлюрь < ölür اولور.

Попытка передать «ö» через «iо ≠ iу» встречается исключительно после «к» и «г», которые всегда палатализованы, и поэтому вставное «i» указывает только на смягчение предшествующего согласного (см. в отделе «к» и «г»), а не на качество следующего гласного.

ћωллара < г'öllere; кωрлере < к'öрлере; гωкте < г'öкте; гиордум < г'öрдүм كوردم; гиозлер < г'öзлер كوزلر; гиобекта < г'öбекте كوبكنده; гиоксузь < г'öкүс كوكس; киоктеда < к'öктеде ده كوكده; гиомесьнь < г'öмејесин كوميه سك; гиормекъ < г'öрмек كورمك.

Таким образом, в виду приблизительного обозначения звука, мы не знаем, чему приписать систематическую замену «о» через «ö»: только ли несовершенству в данном случае славянского алфавита или же реальному фонетическому фактору на турецкой почве, который мог иметь место в данном случае. Мы имеем в виду «гуттурализацию» небных гласных, которая не раз отмечалась для южно-турецких языков. Кроме общих положений у Deny, Gramm. § 38, ср. ту же особенность в говорах Крыма (JA, 1926, avril-juin, p. 343-44); в диалектах Худавендгяра и Карамании, где в некоторых словах утрата палатальности в «ö» считается обязательной (Максимов,

ор. cit., стр. 25-6 и, особенно, стр. 32: *ғоз* *كوز*, *ғоңуль* *كوكلى*); в трапезунтском диалекте: *о'ундä* < *өнүндä* (Писарев, ор. cit., стр. 176); в кастамунийском: *gol* < *göl*, *goz* < *göz* (Thury, ор. cit., р. 8 q.); в конийском: *goren* *كورن*, *gozeleri* *كوزللىرى*, *kotu* *كوتو*, *gosteren* *كوسترن*, *gol* *گول*, *dokerim* *دوكرم*, *govde* *گوكده* (Giese). Из диалектов, обследованных Räsänen'ом, отметим: *voile* (ор. cit., р. 176 и 220), *ort'um* (66), *d'ordum* (72), *bojudi* (119), *d'ol* (120), *oile* (148); у Гордлевского, Образцы: *kojlünün* (136), *goren* (стр. 152). Отметим также сильную «гуттурализацию» в диалекте Adakale: *sojler* (Kúnos, ор. cit., р. 2), *ojleğene* (ibidem), *ojle* (3), *soz* (3), *bojle* (4), *oteje* (4), *şojle* (13), *dordungisi* (58), *ondordi* (65).

Следующая категория примеров из «карамалицкого» текста систематически ставит «*ў*»¹ вм. соответствующего литературно-османского «*ö*»:

гюрўсынъ < *г'өрүрсин* ≠ лит. *г'өрүрсүн*; *гюзледыръ* < *г'өзедір*; *Җтерлеръ* < *үтерлер* ≠ лит. *өтерлер*; *утер* < *үтер* ≠ лит. *өтер*; *гютбраимъ* < лит. *г'өтүрејим*; *гюзлмъ* < *г'үзлүм* ≠ лит. *г'өзлүм*; *гюзлене* < *г'үзлен* ≠ лит. *г'өзле*; *оутмышъ* < *үртмиш* ≠ лит. *өртмүш*; *гюрдмъ* < *г'өрдүм*; *гиббекъ* < *г'өбек'*; *ббюледа* < *бөјле-де*; *оуредурлерда* < *үјредүрлерде* ≠ *өјредүрлер-де*; *оулюмъ* < *үлүм* ≠ лит. *өлүм*; *оунунден* < *үнүнден* ≠ лит. *өнүнден*.

Переход «*ö*» в «*ў*» принадлежит к весьма распространенным явлениям в османских диалектах. Некоторые видели в этой дифференциации своеобразный факт социологического порядка: так, Foу на основании *قاموس* Сами-бея считает переход «*ö* > *ў*» характерным для языка эфендиев из Боснии, тогда как язык айдынских эфендиев отличается одновременно двумя переходами: «*ö* > *ў*» и «*o* > *у*» (Vocalstudien, р. 184, Anm.). Из балканских диалектов переход «*ö* > *ў*» особенно развит в говоре Adakale: *üksüz* (Kúnos, ор. cit., р. 1) ≠ лит. *өкүз*, *üjninden* (ibidem) ≠ лит. *өнүнден*, *üldürürüm* (р. 2) ≠ лит. *өлдүрүрүм*, *üper* (ibidem) ≠ лит. *өпер*, *gütürür* (р. 3) ≠ лит. *г'өтүрүр*, *güjnüm* (ibidem) < *г'өјнүм* ≠ лит. *г'өнлүм* *كوكلم*, *dükerler* (р. 4) ≠ лит. *дөкерлер*, *gürür-ki* (ibidem) ≠ лит. *г'өрүр-ки*, *güçerek* (ibidem) ≠ лит. *г'өчерек*, *ülürüm* (стр. 5) ≠ лит. *өлүрүм*, *düner* (р. 7) ≠ лит. *дөнер*, *üzlemiştım*, (р. 7) ≠ лит. *өзлеміштım*, *gümür* (р. 13) ≠ лит. *г'өмүр*, *üçrenür* (р. 14) ≠ лит. *өјреніп*, *gülgesinde* (стр. 21) ≠ лит. *г'өлгесінде*, *çüzür* (р. 37) ≠ лит. *чөзүр*, *üküzi* (р. 38) ≠ лит. *өк'үзү*, *küprüden* (р. 46) ≠ лит. *к'өпрүден*, *üçe anasy* (р. 51) ≠ лит. *өве анасы*, *güvej* (р. 59) ≠ лит. *г'өвејі*, *gütür* (р. 72) лит. *г'өтүр*, *kükinde* (р. 73) ≠ лит. *к'өк'үнде*. В боснийских

¹ На письме, конечно, «у», которое в «карамалицком» начертании является наиболее пригодным для передачи «ў». Случаи «ю» разлагаются на «i» + «у»; «i» выражает мягкость предшествующего согласного («к» и «г»).

говорах о том же см. у Blau (op. cit., стр. 21).¹ Спорадическая замена «ö» через «ÿ» наблюдается и в айдынском диалекте, о чем говорит Foу (Aid. Тк., р. 178-9), и в кастамунийском (Thury, op. cit., р. 10): дунмек < دوغك, гүстермек < كوسترملك. Так же спорадически в говоре Кутахьи: гүрүнге (Kowalski, Piosenki, s. 354) < كورنجه и в армянско-турецком (Kraelitz, op. cit., р. 27), где в изолированных словах наблюдается и обратная тенденция, т.-е. «ÿ > ö», напр., šöhret' < шүһрет.

Эта обратная тенденция выражена в диалектах значительно слабее; ср. однако в говоре конийских туркмен: bögün < بوجون бүг'үн ~ буг'үн (Giese) и в айдынском: gön < كون, döš < دوش, čönki < چونكه, döjön < دوكون (Foу, Aid. Тк., р. 178). В ганджинском говоре азербайджанского языка зарегистрированы формы: g'özäl¹ كوزل, döšäx' دوشهك, söhbät ≠ осм. лит. sohbet < ар. şuhbat;² Ашмарин (op. cit., стр. 16) отмечает для нухинского говора «ö», возникшее из дифтонгов: dölät < دولت (в Гандже: dou-lät);³ азербайджанское «ö», возникшее из «е» и «ä» перед следующим губным (регрессивная ассимиляция), отмечено Foу'ем (Azerb. St., р. 178): söv- < sev-, döv < ديو дев. Как видно из примеров, «ö» из «ÿ» появляется в первом, неударном слоге слова и, быть может, передает не чистое «ö», а скорее открытое «ü», которое естественно в неударном слоге и довольно близко к «ö» по своей артикуляции (ср. аналогичное соотношение ударного и неударного «у» — bunú, doá < دعا по Bergsträsser'у; см. в отделе «у»).

Начертание ёкюзлере < öкүзлере приводит нас к третьему случаю перехода «ö», именно: «ö > е». Условия, при которых звук «ö», теряя лабиализацию, переходит в «ä(е)», пока не выяснены, но в диалектах спорадически встречаются примеры такого перехода. См. Deny, Gr. § 47. В диалекте Трапезунта Räsänen зарегистрировал формы: əlür (р. 39) < älür < лит. ölüп اولوب, əlbürdün (ibidem) < älbürdün < лит. öлдүрдүн اولدردك. В сербских турцизмах фигурирует слово бена, восходящее к османскому бөн < бөнچ بونچ.

§ 8. Гласный «ÿ».

Новые наблюдения Bergsträsser'a (op. cit., р. 243-4) устанавливают для константинопольского диалекта три типа «ÿ»: узкое — перед «j» (گوردیکنی г'ордүжүнү) и в закрытых ударяемых слогах (ÿч, jÿз) — напоминающее немецкое amüsieren, и два широких: в открытых ударяемых и неударяемых слогах; последние относятся к узкому «ÿ» так же, как оба ши-

¹ В сербском словаре старых турецких заимствований Даничић'a находится слово хоу-фоумь (II, 439) < حوم.

² То же спорадически в Анатолии: ср. Гордлевский, Образцы, стр. 138.

³ Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan par O. Chatskaïa (написано для JA).

роких «i» к узкому (см. в отделе «i»), при чем однако эти «y» не являются просто огубленным рядом «i», так как между артикуляцией всех «y» и всех «i» существует еще известная разница в положении языка.

Для передачи широких «y» «карамалицкий» текст располагал знаком «y», который после палатализованных «к» и «г» заменялся знаком «ю»; для узкого «y» и «y̆», редуцированного по количеству, поскольку оно находилось в неударном слоге, употреблялись непоследовательно знаки «и» и «е».

y̆ = y:

бітѣнь < бітүн ≠ лит. бѹтүн; суть < сѹт سوت; кичѣктеръ < к'ѹчѹк-тѹр; сѣрерлеръ < сѹрерлер; гиордумъ < г'ѹрдѹм; сѣпѣрсѣнь < сѹпѣрсѹн; юрѣлеръ < јѹрѹрлер; гиндѣс < г'ѹндѹз; душерь < дѹшер; гюлѣнь < гѹлѹн; вицѹту < вѹцѹдѹ; гуч била < г'ѹч||бела (или, без паузы, гѹцбела); дусаѣекъ < дѹшеѣек; юзѣкъ < јѹзѹк; черѣкъ < чѹрѹк; сутуде < сѹтѹ-де ≠ лит. сѹдѹ-де; ѡзеренде < ѹзерінде; онѣнде < ѡнѹнде; изѣмден < ѹзѹмден; душурмесьеръ < дѹшѹрмеслер; гюрумелісьнь < јѹрѹмелі-сін.

Отсутствие в «карамалицком» тексте знаков для гласных «ö» и «y̆» не позволяет нам, как и в случае «ö», судить о том, имеем ли мы дело с особенностью орфографии или же с фонетическим явлением «y̆ > y», которое подтверждается из других источников. Ср. в районе тралезунтского и эрзерумского диалектов такие формы, как: dūsti (Räsänen, op. cit., p. 17) < دوشدی, ort'um (ib., p. 17) < اوردیم, sevdim (ib., p. 20) < sevdim ≠ лит. севдім, benum (ibidem) < benüm ≠ лит. бенім, d'ordum (ib., p. 18) < г'ѹрдѹм, t'ufe,um (ib., p. 20) < توفکم тѹфег'ѹм ≠ тѹфенгім, k'učuk' (ib., p. 19) < كوچك, d'ul (ib., p. 20) < گ'یل كل, t'ömur (ib., p. 29) < к'ѹмѹр, d'unuk' (p. 28) < лит. г'ѹнлѹк, uĉ (ib., p. 28) < اوچ. В конийском диалекте по записям Giese: guzeliniñ < г'ѹзелінін, kotu < к'ѹтѹ, gunner < лит. г'ѹнлер. В Боснии (Blau, p. 22) и в сербских турцизмах: ѹзел كوزل, лула لوله, бумбул ببلبل, мухур مهر, зулум ظلم; в говоре Ада-кале (Kúnos, op. cit.): ustunden (p. 1) ≠ лит. ѹстѹнден, turlu (p. 3) ≠ лит. дѹрлѹ ~ тѹрлѹ, murad-laruna ≠ лит. мѹрадларына, butun (p. 7) ≠ лит. бѹтүн, ujuine (p. 16) < ѹніне ≠ лит. ѡнѹне, uĉ (p. 18) ≠ лит. ѹч, kiĉuk (ibidem) ≠ лит. кѹчѹк, uĉunġi (p. 19) < ѹĉүнġи ≠ лит. ѹчѹнцѹ, musafir (p. 20) ≠ лит. мѹсаѹір, dunja (p. 21) ≠ лит. дѹнѹа, bujumekte (p. 34) ≠ лит. бѹјѹмекте, dukjanġy (p. 44) ≠ лит. дѹк'к'анѹы, bujuk (p. 53) ≠ лит. бѹјѹк, dordunġisi (p. 58) ≠ лит. дѹрдѹнцѹсѹ. В греческой передаче старого и нового времени всюду встречаем «ou», так как «u» произносилось, как «i»; поэтому греческая транскрипция в данном отношении так же двумысленна, как и «карамалиц-

кая». У Геннадия Схолария находим: βιρούρ < vírūr ≠ совр. лит. верір, μιλούρ < bílūr ≠ совр. лит. bílir, οὔζεριντέτουρ ≠ совр. лит. ўзерінде-дир, γχιουρουέμισιν ≠ лит. г'ōрўнмэзмісін, γκεντοῦ < гендў ≠ совр. лит. кенді, τζούμλε ≠ совр. лит. цўмле ~ ар. جملة. Между тем, у Ronzevalle'я наряду с ζουλούφι < зўлўф ~ зўлф, ζουνβούλι < зўмбўл ≠ лит. сўмбўл находим: dudók' и doudouka < дўдўк < دودوك (р. 307), μοῦρ (стр. 451) < мōһүр ~ мўһүр مهر; если здесь «υ» в безударных слогах и служит для обозначения редуцированного «ў» т.-е. «і» (об этом немного ниже), то в ударных слогах «υ» несомненно воспроизводит турецкое «υ». Т.-е. здесь мы имеем дело с нарочито уточненной греческой транскрипцией (ср. введение знаков «d», «h» и «ⁱ»). Начертание Huart'a (op. cit., р. 462): Σοχρετλερή передает скорее: шōһ-ретлери, чем: шўһретлери (< شهرتلى).¹

ў = ю (после палатализованных «к» и «г» и после «j (i)»):

гюлѣнь < г'ўлўн < كلك; ёргюнда < Һер г'ўндә ≠ лит. her г'ўнде; юрѣ-леръ < жүрўлүр; гюрумелісьнь < жүрўmeli-сін.

Начертание: тюркюлерде < түркүлерде не представляет собой пример иного обозначения звука «ў», так как этим передается палатальность согласного «т»: ср. т'ўркў в говоре Трапезунта и Эрзерума и һуркуја в сербских турцизмах (вм. ожидаемых *т'ўрт'ў и *һурһуја в силу диссимиляции).

Предударное «ў» в открытых и закрытых слогах (два последних типа, по классификации Bergsträsser'a) редуцируется по количеству, как и все узкие гласные в турецких языках; «карамалицкий» текст, не являясь строго фонетической транскрипцией, выполненной ad hoc, естественно, не отмечает промежуточных стадий процесса и большей частью указывает лишь на тот предел («і»), к которому стремится «ў» в своем изменении.

бітѣнь и битѣнь < бітўн ≠ лит. бўтўн; кичукъ < к'ічўк ≠ лит. к'ўчўк; кичѣктеръ < к'ічўк-тір ≠ лит. к'ўчўк-тўр; гизель < г'ізел ≠ лит. г'ўзел; гинѣ < г'іну ≠ лит. г'ўнў; біукъ < біжўк ~ бејжўк ≠ лит. бўжўк < бōжўк; черукъ < чірўк ≠ лит. чўрўк; биюклер < біжўклер ≠ лит. бўжўклер; изумден < ізўмден ≠ ўзўмден; вицуту и вецуту < віцўдў ≠ лит. вўцўдў; гиндѣс < гіндўс ≠ лит. г'ўндўз.

Средние формы проставлены нами на том основании, что «ў > і» при данных условиях отмечается диалектами и включено в теоретические обзоры по османской фонетике (ср. Deу, Gr., р. 47). Не говоря о сербских турцизмах, которые полностью подтверждают это, сопшемся на диалектические формы: конийские — ziliferiñ (Giese) вм. zülüferiñ и при более «гуттуральной» артикуляции — zylfunу (фонетические дублиеты), сивасское:

¹ Обратное явление «ö < ў» редко; ср. в отделе «ö».

mişafirler (Гордлевский, Образцы, стр. 96), кутахийское: sifaresi (Kowalski, Piosenki, p. 347) < сүвариси سواريسى, трапезунтское: misafirimiz (Bonelli, Treb., p. 60) и istinde (Räsänen, op. cit., p. 44),¹ veçidi (ib., стр. 40) < бөјүдү. Румелийские формы, приводимые у Kúnos'a (Rum., p. 74 и 78): üzüldiji < üzüldjü и köprüji < köprüjü показывают, что узкое «ү» Bergsträsser'a в положении перед «j» также редуцировалось в «i» (регрессивная ассимиляция). Редуцированное «ү» в азербайджанском отмечено у Ашмарина (op. cit., стр. 30); для боснийских говоров ср. Blau, op. cit., p. 22.

В некоторых диалектах ударное «ү» открытого слога (т.-е. конечное, поскольку речь идет о главном ударении) передается также через «i», но такой переход нельзя признать фонетическим; к тому же он наблюдается в тех диалектах, где скорее всего можно говорить о смешанных говорах и о языковом взаимодействии турок с другими национальностями (греки, славяне, армяне), что обычно нарушает принципы сингармонизма. Ср. трапезунтское gögündi (Räsänen, p. 53) вм. лит. г'өрүндү, gördi (ib., p. 58) вм. лит. г'өрдү; в говоре Ризе: bojüdi (ib., p. 28) вм. лит. бужүдү, Везирхана: üşüm-iş (ib., p. 31) вм. лит. үшүмүш. Того же порядка отмеченные Ковальским македонские формы: g'üni (Volkslieder, p. 182) вм. лит. г'үнү, zülüfi (ib., p. 214) вм. лит. зүлүфү — и измидское: jörüdi (Гордлевский, Образцы, стр. 152) вм. лит. жүрүдү. В армянско-турецком, по наблюдениям Kraeiz't'a (op. cit., p. 26) часто слышится «i» вм. «ü» и обратно (ib., p. 27): vijud < وجود vüjud (sic!) и müftâh < miftah مفتاح. В параллель к последнему можно привести форму, записанную Räsänen'ом в Везирхане: şüşelêrde (p. 15) вм. лит. шішелерде شیشه لرده (из перс. شیشه).

В своем фонетическом трактате Bergsträsser отметил переходный звук по линии «ü — i», который он установил в случаях типа: gelür, bilür, gelsün, gidür, ičün, düşüjor; таким образом, в результате сдвига артикуляции и утраты лабиальности, средневековый османский язык перешел к новым (сингармонистическим) формам: bilip, gelip.² Оттенок этот не отмечается «карамалицким» текстом, как и другой, присущий переходному звуку по линии «у — ы»; в ряде диалектов, где вообще господствует более задняя артикуляция по сравнению с константинопольской (северная и цен-

¹ Формы veçük (Räsänen, op. cit., p. 49) и veçidi (ib., стр. 40) в первом слоге получили «e» из «ö», т.-е. из бөјүк и бөјүдү (см. отдел «ö»).

² Орфография, как и во всех аналогичных случаях, была более консервативной: کلوب, بیبلور. В диалектах старые фонетические формы сохраняются (ср. Писарев, op. cit., стр. 176-7).

тральная Анатолия), комбинаторный звук второго типа появлялся на месте комбинаторного звука первого типа и отмечен Räsänen'ом в таких случаях как *d̥ššm̥m̥rs̥m̥* (op. cit., p. 26) при лит. д̥ш̥ш̥н̥р̥с̥н̥, *d̥ššm̥m̥rs̥m̥* (ibidem) при лит. д̥ш̥ш̥р̥р̥с̥н̥, *d'ʃl* (ib., p. 27) при лит. г'үл, *d̥m̥št'um* (ib., стр. 29) при лит. д̥шт̥үм.¹

Н. Дмитриев.